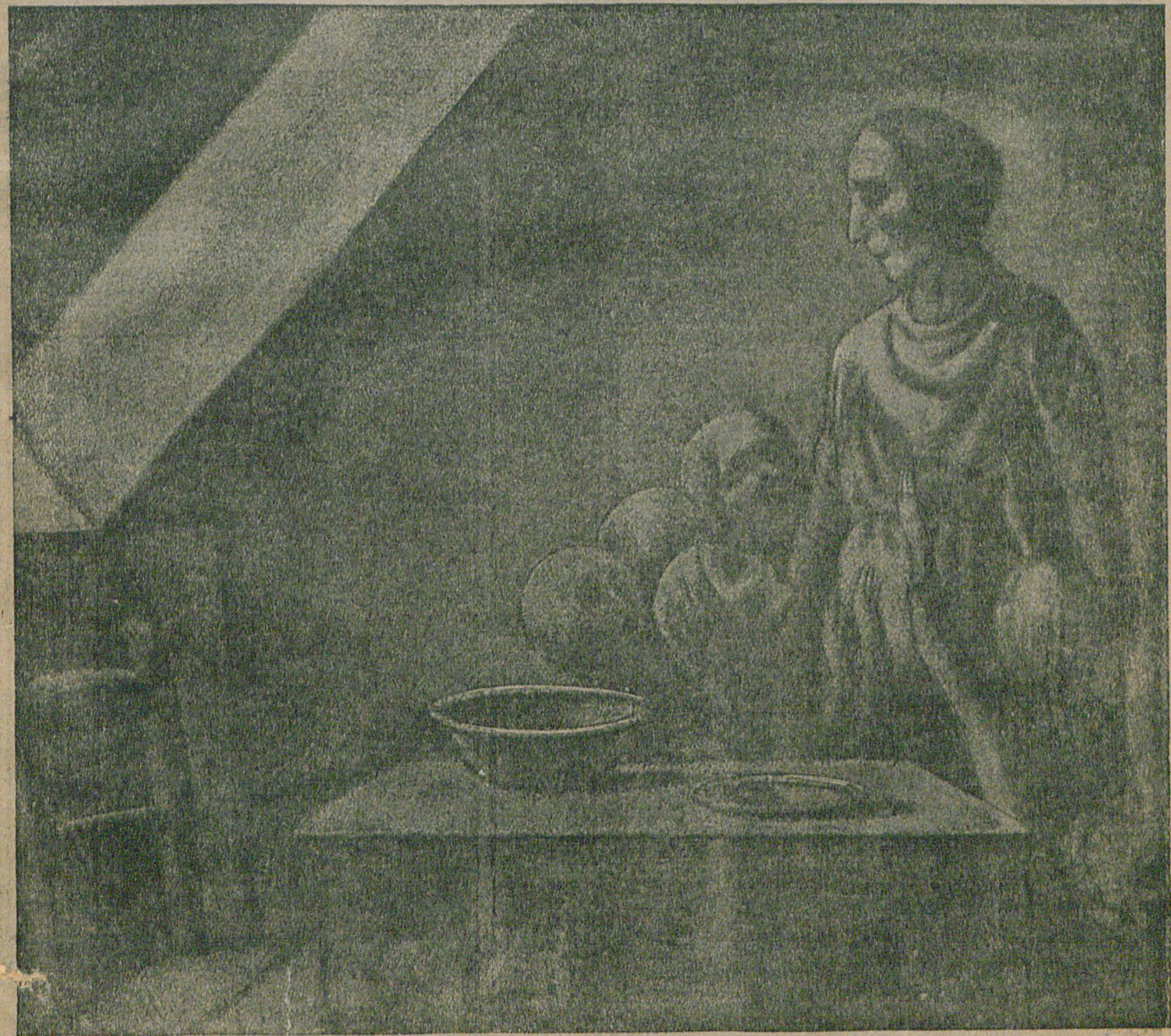
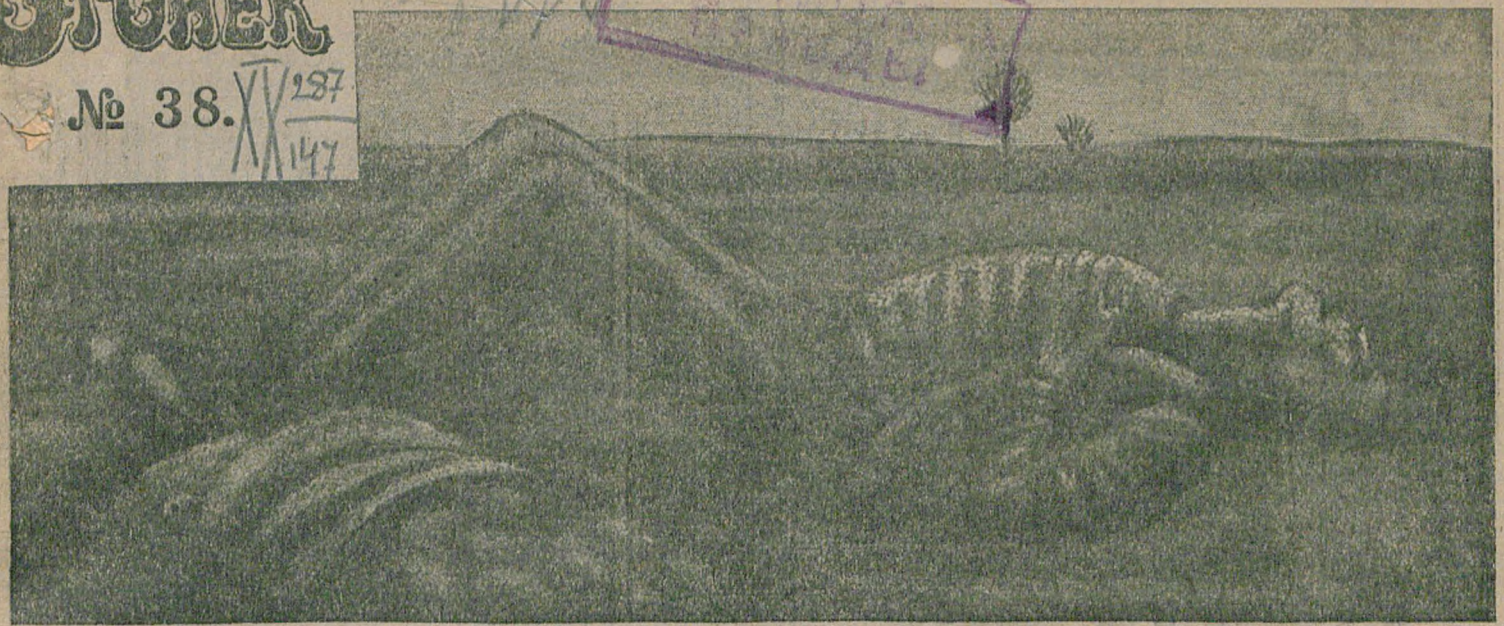

СЕРИЯ
ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

«Картофельные усмирения» в Германии.

Немецкий художник Карл Арнольд изобразил в трагическом рисунке сегодняшний день Германии. Внизу — жена бедняка, успокаивающая детей: — Будьте спокойны. Ваш папа сейчас принесет картофель. Навверху — отец семьи, прозенный пулей «картофельного жандарма» — охранителя помещичьих полей.

ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНТОРА „ТРУЖЕНИК“ Д. А. Зайчикова.

(фирма сущ. с 1903 г.) Москва, Фуркасовский пер., д. 10 Телефон 15-76.
РЕМОНТНО-ЭЛЕКТРО-ТЕХНИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
Большой Кисельный пер., д. 5.

Все для Электрификации Фабрик, Заводов и Провинций.

ВСЕГДА ИМЕЮТСЯ НА СКЛАДЕ:

Электро-моторы, Динамо-машины, Экономические лампы, Установочные материалы, Принадлежности для телефонных аппаратов, Сигнализаций и нагревательные приборы.

ОБОРУДОВАНИЕ ЭЛЕКТРО-СТАНЦИЙ, ТЕЛЕФОННЫХ СТАНЦИЙ
И ДОМОВЫХ УСТАНОВОК.

Ремонт всевозможных электро-технических машин, моторов.

ИДИТЕ!!!

на первый в Москве по количеству
и качеству товаров

только что переустроенный рынок:

АРБАТСКИЕ ТОРГОВЫЕ РЯДЫ.

Трамвай №№ А, 17 и 34.

МОСКОВСКИЙ

ГОРОДСКОЙ ЛОМБАРД

Центральное Отделение || Арбатское Отделение

Б. Дмитровка, д. № 22.

Арбат, д. № 11.

Выдача ссуд под заклад имущества, прием на хранение и на комиссионную продажу через магазин и аукционы.

МАГАЗИНЫ: Большой выбор носильного платья, мехов, ковров, музыкальных инструм., роялей, пианино и т. д.

ЦЕНЫ ЗНАЧИТЕЛЬНО НИЖЕ РЫНОЧНЫХ.

Еженедельные воскресные большие аукционы в Центральном Отделении

в 12 часов дня.

МЕБЕЛЬНЫЙ

ПРАВЛЕНИЕ:

МОСКВА, Сретенка, д. 27/29, телефон 5-77-33.

Изготавливает мебель всевозможных стилей.
Имеется громадный запас готовых изделий.

Принимает заказы на оборудование учреждений, контор, больниц, аптек, магазинов и т. п.

Специальная школьная мебель.

Госучреждениям, кооперативн. и общественным организациям **СКИДКА.**

Широкий кредит рабочим и служащим мебелью через завкомы и месткомы на срок до 6 месяцев.

Отделка по требов. заказчиков в спец. отделочн. мастерских Союза.

Иногородним заказчикам по требованию высылаются прейс-курант и снимки мебели

МАГАЗИНЫ:

№ 1. Сретенка, д. 27/29, телефон 5-78-11.

№ 2. Столешников пер., д. 9, телефон 94-63.

№ 3. 2-я Тверская-Ямская, д. 22, тел. 2-74-13.

СОЮЗ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ВРАЧЕЙ СПЕЦИАЛИСТОВ.

Мясницкие ворота, 28; трамваи: А, В, 4, 6, 34.

Телефон 1-89 93.

Внутренние... с 9—9 ч.	Глазные с 11—2; 4—8 ч.
Детские..... 9—7 ..	Хирургические с 11—8 ..
Нервные..... 3—8 ..	Уха, горл., носа „ 10—9 ..
Женские..... 11—9 ..	Туберкулезн. . . . 4—7 ..
Кожн., венер. и мочеп. отд. с 9—8 ..	Зубные: искусств. зубы. с 10—9 ..

Анализы мочи, крови, мокроты, кала, желудочного сока и пр.

По воскр. и празд. прием больных с 9—2 ч.

ВЫЗОВ ВРАЧЕЙ НА ДОМ.

ПРИЕЗЖИЕ ПРИНИМАЮТСЯ ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

ВЕНЕРОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ д-ра ВАЙНШТЕЙНА

М. Дмитровка, д. 8, кв. 20.

Прием по сифил., венерическ., мочеполовым ежедневно во всякое время муж. и жен.

287

147

ф-4453-х-111

Крестьянская Россия.

Волостной сход у исполкома в Жиздринском уезде.

РАСПУТЬЕ.

Рассказ А. Костерина.

1.

Весна.

Улицам и громадам этажей не сдержат проснувшейся земли. Ослабли камни от первых робких стебельков травы.

Влажный ветер ласкает лицо, несет от далеких городских окраин густые запахи прелых огородов, лесов.

По ночам затихший город жадно сосет радость набухших просторов полей.

Город из камня, закованный в железо, просит влаги земли, просит воздуха лесов.

Идет город к бульварам. А бульвары узкие задыхаются в путах камня и железа.

Звенят провода, бросает искры трамвай, ревет авто —

прячется город от каменных кварталов — на узких полосках бульваров.

А поля зовут...

Влажные ночи зовут из города, зовут к набухшей земле, оплодотворенную ветром и солнцем...

С Крымского моста так близко до лесов, до жадной земляной любви.

И темная река, играя звездами, огнями города, говорит о проснувшейся жизни, о радости тела...

Димитрий Самсонов и Маруся Стрельцова, обняв холодные, железные перила, долго не отрывались от огней в реке, от темной полосы Воробьевых гор.

Обрывки фраз, звуки голоса — досадно неуклюжи, фальшивы.

Хорошо бы говорить одними мыслями, говорить о нервно-напряженном теле, о всем, чего не скажешь, не выразишь в словах.

Маруся Стрельцова — студент 1-го М. Г. У. Наваливаются ненужные зачеты, но растет тоска.

О чем?

Этого не вложишь в слова, не вложишь даже в мысли.

А стоять бы вот так у железных переплетов, смотреть огни ночные и слушать

растущую боль, слушать ноющую и вместе радостную тоску.

И чаще всего непроизвольно вспоминается уездный город, гимназия, божница в полусумраке.

Была тогда радость.

Потом пришла революция, а с ней тоска.

— Вы говорите, Димитрий, что не привыкли идти с закрытыми глазами. К чему такая определенность? Зачем просите, чтобы я сказала, что $2 \times 2 = 4$, если я хочу, чтоб было 5, 10, миллион, бесконечность...

По мосту прошел трамвай. Тяжело давил пролеты, грузно звенели переплеты. Дрожал мост, дрожало тело, обнявшее железо.

Не укладывались у Самсонова слова Маруси.

Чего она хочет? О чем тоска? Ну, хорошо, $2 \times 2 = 5$, а почему?

— Знаете, Маруся, я не могу так говорить. Все эти — что-то, куда-то, о чем-то, это все небесные туманности для меня...

Английские воротилы.

К окончанию выборов в английский парламент мы даем монтировочный портрет виднейших британских парламентских говорунов и деятелей, выставивших себя на выбо ах и чающих че ез парламент продолжать вочорять мировыми и великобританскими делами. Нашем читателю наиболее знакомы по газетам: социалист-соглашатель Гендерсон (2), консерватор, нынешний премьер Стэнли Болдин (6), первый социалист Макдональд (7), лорд Биркенхед (13), либерал Ллойд-Джордж (16), консерватор, министр иностранных дел лорд Керзон (18), консерватор, лорд Чемберлен (20), консерватор, военный министр лорд Деби (21), консерватор, министр колоний герцог Девонширский (22), консерватор, сэр Самуэль Хори (23), либерал, бывший премьер Асквит (25).

Мне кажется, что как жизнь, так и слово о жизни, настолько определены, что можно обойтись без кабелистики—чего-то, куда-то...

Маруся низко склонилась над перилами. Падала коса по лицу. Долго молчала, смотрела, как глубоко под ногами играла звезда.

— К чему вещи называть своими именами, втиснуть в узаконенные рамки человеческого языка. Я этого не хочу. Не хочу сказать, что $2 \times 2 = 4$, потому что вижу всю условность этого, всю ложь. Вижу,—и второе мое я, мохнатое, дикое, не дает мне покоя, критикуя слова и действия других и прежде всего—мои. Хочу и не могу отделаться от этого мохнатого стража. И оттого моя тоска... У вас лучше, вы непосредственно вливаетесь в жизнь...

Шли домой по бульварам.

По скамейкам шопотливые парочки. Задорный смех женщин. Низко бубнят мужские голоса, жмут дразнящих женщин.

«Вот у них, вероятно, нет тоски и что-то, куда-то не зовет»,—подумалось Дмитрию. Вставала досада и жесткий холодок к Марусе.

Прошли последние трамваи, затихли улицы. Лишь бульвары, узкие земляные полоски среди камня и железа, жили до рассвета в тихом шопоте скамеек, дразнящем смехе женщин...

II.

Дмитрий с утра в районе.

Почти десяток лет бросала жизнь из угла в угол. Но крепко сколочен—не хрупнул, не размяк.

В начале—это где-то за большой и далекой гранью—первый арест и тюрьма. С тех пор жил в неугасающей тревоге, метался по стране, что билась и корчилась в судороге войны.

Потом революция. Пришли с революцией дни, что снопы искр. С шумом отгрохали годы, не заметил.

А сейчас в районе—по клубам, газетам, кружкам,—лишь ноет расщепленное осколком плечо, напоминает о 19-м годе.

ТОЖЕ МАРКС...

Доктор Маркс, новый германский канцлер.

Было тогда все ясно и просто. Делали великое дело, не знали раздвоения в себе, не было сомнений.

А в этом 23-м году разбудила весна вопросы, что грудой навалились с витрин, с заводов, из ячеек и газет.

Подвернулась Маруся и внесла еще большие сомнения, запутала ясную до того четкую линию. Любил и в 20-м году, 16-м, но была лишь незабываемая радость...

— Напустила туману девка—что-то, чего-то, кому-то... тыфу!

Вот и в кожевенной мастерской, куда шел, то же распустье, та же запутанность и недоуменные вопросы,—вспыхнул острый конфликт между рабочими и администрацией.

Заведующий—коммунист, замзав—коммунист,—а ячейка надломилась.

На заседании ячейки заведующий, слегка тронутый полнотой, делал доклад и склонялся в сторону Самсонова—вы, мол, здесь единственный понимающий

— Вот, т. Самсонов, вот норма выработки, вот процент успешности. Смотрите, 25% ниже нормы. Производство на ладан дышет. Если будет выполнено требование рабочих, я, как коммунист, вынужден буду сделать доклад в МСНХ о закрытии предприятия, как явно убыточное.

Говорил зав гладко, привычно играя готовыми фразами, цифрами, закуривая и бросая папиросы. Ячейка (6 человек) слушала угрюмо, не прерывала доклада.

А когда встал и заговорил рабочий, из острого, клейких запахов, в изъеденном фартуке, увидел Самсонов накипевшую злобу.

— Беркову—все едино—закрою мастерскую, потому государству убыток. А людей т. Берков, вы куда? Вы коммунист и мы коммунисты... И напрасно говорите, что выработка ниже нормы. Работаем на совесть, работал я здесь и при хозяине, тоже давали... А если убыток, так рабочие здесь не в причине... Посмотрите на контору—бывало здесь два человека сидели, а те

перича вы друг другу на голову лезете...
А к чему это?

Рабочий выкладывал все Беркову и как будто не замечал Самсонова,—слушайте, мол, которые понимающие...

И чувствовал Дмитрий—
—втиснули его меж двух стульев искать путь между завом и рабочими.

Чел он плохо, но быстро схватывал таинственные бухгалтерские закорючки и переводил на свой язык.

—Ишь ты,—дышал махоркой в лицо Дмитрия,—25%, а того и не записали, что машин то у нас нет, что у других есть. Как же это вы, тов. Берков?

Долго рылась ячейка в книгах. Бухгалтер пыхтел, сонел, щелкал на счетах, росли столбцы цифр.

Вечером, когда из за крыш этажей поползала мгла, вышел Самсонов в улицы.

Была усталость, но был крепок и бодр,—нашел четкую линию и прижал вместе с рабочими зава.

Колонки цифр заговорили другим языком. Выходило что можно повысить зарплату, произвести необходимый ремонт...

Шел по улицам, что загорались цепью фонарей, вспыхивали огнями авто, трамваев. Незаметно вышел к дому, где жила Маруся.

III.

Не ходил к Марусе как-то два дня, получил письмо:

«20/V.

Вы говорите, что вам недостает воздуха? А мне? А когда нет воли к этому воздуху? Когда нет свободы от самого себя?

Хочется крикнуть и крика нет. Хрип только. Вы говорите: «у вас нет классового чутья». Правда. Но откуда оно может взяться у человека, отрешившегося от старых богов, но не принявшего еще новых... У него не вырабатывается уже потому, что он *хочет* его иметь. А *хотеть* здесь нельзя—надо иметь. С ним родиться надо... И оттого тоска, оттого душа мечется.

Самсонов только что пришел с экскурсии в Сокольники. Еще звенели сосны в ушах, не затих гомон и песни комсомольцев...

Повертел Самсонов письмо, несколько раз прочитал.

—Тыфу, чорт... что я сумасшедший что-ль? Нет, пора кончить...

Через неделю Маруся нашла записку: «Заходил проститься. Меня перебросили в Баку.

Когда прочтете эту записку я уже буду в дороге. Привет. Если можете—пишите. Дмитрий.»

IV.

ИЗ ДНЕВНИКА МАРУСИ.

«4/VI. Пришла в свою комнату.

Почему так пусто?

На столе письмо—его привет с дороги.

Так разве он все таки уехал?

И не придет сейчас? Я все понимаю.

А казалось, что откроется дверь, сидит напротив и будет спрашивать глазами, какое у меня сегодня настроение.

Его глаза печальные. В них грусть.

Напрасно он думает, что радость жизни его беамерна, полна. Нет, и к ней, слегка, касается грусть и отсвечивает в глазах.

5/VI. Он уехал.

А мне хотелось еще посмотреть сегодня в его глаза. Сейчас они горят радостью, потому что впереди ширь, простор и воля...

А я? Так сдерживаемая последние дни тоска—прорвалась. Властно забрала в свои объятия, рвет сердце в клочки, впивается мукой в душу. Хочется уйти во что-то неизмеримо-огромное, погрузиться с головой, чтобы не видеть окружающий мир...

Вот встал передо мной новый образ—Солнце-солнца. Он—солнце и от него солнце. Напряженно силюсь до конца понять, прочувствовать этот новый образ, вставший передо мной так настойчиво.

Но понимаю только на миг.

А потому тоска, потому—боль.

6/VI. Сердце парализовало работу мозга. Заниматься не могу.

7/VI. Еду в Крым.

А может быть убегаю от самой себя?

THE RUSSIAN ROSTRUM: HOW THE ELECTOR IS HARANGUED
This remarkable picture represents a Russian orator addressing a meeting outside the famous Kremlin in Moscow, the old Russian capital, and seat of the present Soviet power, on the occasion of the sixth anniversary of the Red Revolution, under whose tyrannical heel the great country still groans. At Moscow, Petrograd, and all the big centres of population, advantage was taken of the occasion, by means of practised hands, to beat for all it was worth the Soviet drum. Though their experience has been short, the Soviet agents have made considerable headway in the art of humbugging the populace, whose credulity is great. Among the slogans, too, was one demanding full material and moral support for the German revolutionaries.

Один из солиднейших английских еженедельников Г афик („The Graphic“) в одном из своих последних номеров помещает как сенсацию снимок происходившего осенью 1920 года в Баку съезда народов Востока. Снимок озаглавлен: «Как они агитируют и, по мнению издателей, изображает «каких-то большевиков» на митинге «перед стенами Кремля» в шестую годовщину революции. Появление подобного снимка в серьезном и осведомленном журнале лишней раз показывает желание британских правителей и их прессы возможно извратить действительное положение дел в СССР.

15/VI. Ялта.
Ветер целый день и целую ночь метал деревья, приносил плач и стоны моря... И оттого пришла тоска. Я уже хочу в Москву, а потом... потом снова все обрывается, опять получается пустота...

Тоска... Знаешь всю боль ее... Но не оторвешься от этой боли, потому что только в ней видишь ценность...

Отрывок из начатого письма:

«Москва, 10/VII.

Это уже не тоска. Нет. Это что-то хуже. У тоски есть где-то далеко, далеко надежда. А вот когда нечем жить, когда не знаешь, что делать в жизни.

Посмотришь кругом—безотрадно. Внутрь себя—одиноко. И некуда уйти от себя. Абсолютно ничего не хочется, даже умирать... Такое состояние невыносимо... Что-то надо...»

Из газеты «Известия» от 19/VII.

ПРОИСШЕСТВИЯ.

Самоубийство. 11 июля у себя на квартире выстрелом из револьвера в сердце покончила самоубийством М. Стрельцова, слушательница 1-го М. Г. У. По дороге в больницу, не придя в сознание, М. Стрельцова скончалась. Причина самоубийства не выяснена.

А. Костерин,

ЗАСЕДАНИЕ.

Рассказ Андрея Соболя.

По украинским полям отскрипели возы, золотое зерно по верным, стойким, налаженным дорогам за Рейн, золотым дождем обливая Кенигсберг, Лейпциг, Берлин, в леса убегали жители деревень, дымилась сожженные избы, курились стога, воя в ночь, в тишь, в безлюдье поднимались с земли изнасилованные девушки, в Киеве, по Крещатику, горцевали опереточные личные конвойные украинского гетмана.

А в комитете аккуратно заседали. На сей раз заслушивали письмо из Москвы.

И заканчивал Корней Петрович свое письмо третьим пост-скриптумом (первый

придется ночевать в передней питерского газетчика.—Так кто же видел его?

Восточный облик темнел в раздражении. — Я,—робко отозвался Рыжик.

Беатриса Ароновна, негодуя, повела черными усиками—снова всколыхнулась голубая блузка, но уже бурно, грозиво:

— И вы молчали? Это возмутительно! Я предлагаю выразить Рыжику порицание. И вы не могли привести его сюда?

Рыжик обернулся к ней:

— На веревочке? А если он говорит, что всем нам цена грош? А если он говорит, что мы слепые и... И что надо всем по домам, каждому на свою полочку?

Под Кашенцевым затрещала табуретка; беспокойные в табачной желтизне пальцы пытались свернуть папироску; стукнув, выскользнув из рук упала табачница—жестяная коробочка из-под лепешек Вальда.

— Ах!—вадрогнула Беатриса Ароновна и поднялась: из магазинной шеткой в потолок стучала девушка Чанка: два гимназиста спрашивали очередную бюллетень.

В конце винтовой лестницы Кашенцев остановил Рыжика:

— Устройте мне с Игорем свиданье. Скажите...

Задвигались пролежни, в ворота ситцевой косоворотки, еще в копоти паровозной, судорожно дернувшись жилистая пергаментная шея:

— Скажите ему, что мне необходимо... Нам нужно повидаться. Во что бы то ни стало. Сегодня же.

Рыжик качнул головой, будто красный поплавок дернули снизу.

И поплыл поплавок по киевской хляби, нырял по Крещатику, потерялся на площади, вынырнул на Малой Житомирской—Игорь отказался встретиться с Кашенцевым, наотрез.

В кофейной «Шато де роз» Кашенцев ждал Игоря.

Тапер выколачивал марши, мазурки, за столиками колебались блестящими рассыпался женский смех, купленный до зари, на всю ночь за несколько карбованцев, усы заглядывали в вырезы блузок, сапог отдавливал туфли, к окнам с улицы прилипали расплющено носы мальчишек-папиросников.

На помост, похожий на плаху, взбиралась, потряхивая монистом, вздувая расшитые рукава, толстозадая пейзанка.

Ей кричали вслед:

— Яблочко!

— Красотки кабар!

— Яблочко!

Пейзанка дожевывала булку, тапер ловил педали, лакеи, нашептывая, подавали белый чай, как старые кошки шипели газовые рожки.

Кашенцев допивал

третий стакан кофе—Игорь не шел, а губы были сухи по-прежнему.

Горели, как горела голова вчера, третьего дня, неделю назад, месяц, палим в вихором мыслей—грудой раскаленных идей, не угасимых даже под пеплом сна, дремы и усталости.

Никнет голова, изнутри сжигаемая беспрестанно—тут, там: на скамье вагона, за председательским столом, в походной палатке начальника чешского отряда, в каюте волжского парохода... Из часа в час, изо дня в день—принимая во внимание... всех, всех—безземельных, чехов, малоземельных, юнкеров, академиков... считая, что... близка расплата. За что? За что? Будут сведены счета—с кем, с кем?

Как в листопад выются, несутся осенними листьями, последними, люди, города, совещания, полки, заседания, лазутчики, фракции, телеграммы, винтовки, упломоченные... с востока на север, с севера на восток и опять с востока на север.

Ох, как жгут, как жгут угли и нечем залить их!—багряный листопад, словно кровью политый,—красовая полоса от берега волжского к Москве, кровавые русские трещины...—в чем правда твоя, Москва? Где правда моя, кашенцевская, купленная недешево?

Где правда единая?—ох, жгут, жгут угли и не затопить и не выкинуть, прахом развеяв по ветру...

И губы были сухи по-прежнему...

Как вот сохнет душа,—проклятая, хоть бы высохла раз навсегда, хоть бы раз навсегда перестала то ныть, будто раздраемая сотнями колючек придорожных кустарников—одна дорога за другой, все дороги да дороги, а глянешь: бездорожье, безвыходный тупик,—то сжимаются, как вот сжимаются игрушечные шары, воздух выпуская, когда продырявишь их. Цветные шары... цветные, трехцветные флаги российской державы... красные флаги над Кремлем... смешались краски, цвета, в пору захлебнулась душа человеческой смесью огневой—горит, горит душа... Где правда твоя, Москва? В чем правда моя, кашенцевская, расброшенная, раскиданная?—все смешалось и убегает, убегает из-под ног последняя, такая незаметная дорожка,—ох, жгут, жгут угли!—лови!..

Мучительно стиснув зубы, Кашенцев мял потухший окурочок.

С помоста несло:

... Яблочко, яблочко, куды котисься?

В Чеку попадешь—не воротисься.—

На пейзанке звенели бусы, чавкали

Организатор королей.

Муссолини устроил недавно свидание итальянского и испанского королей. На снимке диктатор (в цилиндре) говорит с итальянским королем.

был об обращении к западным социалистам насчет нравственной поддержки, второй—о том, что в совете народных комиссаров раскол окончательный и бесповоротный):

«Урежьте Игоря: ведь это удар в спину революции среди белого дня. Что он собирается делать—не знаю, для чего он торчит в Киеве—неизвестно, но вопиющий факт на лицо: от работы он отошел. Он должен понять, что в сегодняшний грозный час более чем когда-либо надо охранять великие заветы прошлого, теснее, чем всегда собираться вокруг нашего испытанного знамени. На нашу долю, на долю русской интеллигенции, пала тягчайшая, но священная обязанность: охранять культуру от варваров, достоинство России и цивилизации оберегать от разнузданных московских временщиков. Должен же Игорь понять, что история не простит ему бегства из рядов бойцов за мир всего мира».

Ассаркисов, поглаживая ассирийскую бороду, молвил:

— Да, номер.

Беатриса Ароновна сказала густым контрастно:

— Конечно, не простит.

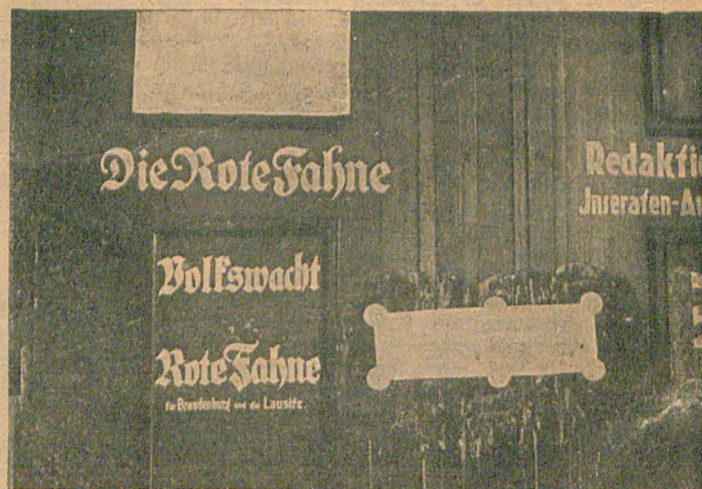
И, вздохнув, выкидательно глянула в сторону Кашенцева; вздыбась на миг, голубая блузка вь в безмятежно почил на молочных холмах.

Кашенцев молчал, только шевелил желваками—по лицу истерзанному, умученному сходились и расходились коричневые пятна, похожие на пролежни.

— Кто видел Игоря?—спросил Ассаркисов и зевнул: четвертое заседание за день, впереди еще два, в девять часов третейское разбирательство: Маркусон обвиняет Семена Ивановича в тайных сношениях с петлюровцами, еще надо расспросить Кашенцева о результатах его поездки в Одессу—одесские здорово берут вправо, надо их обуздать, из Самары ни звука, комнаты все еще нет, сегодня опять

Запечатали „Ротэ Фанэ“...

P. P. N. Service.

Берлинский корреспондент «Огонька» сфотографировал дверь редакции центрального органа Герм. Ком. Партии «Ротэ Фанэ», запечатанную полицейскими властями правительства Штрэвемана, после закрытия газеты.

рты, по напудренным женским подбородкам стекал жидкий крем пирожных.

Кашенцев ждал Игоря до одиннадцати—Игорь не шел.

А в двенадцать часов в комитете заслушивали экстренный доклад только что приехавшего товарища с Волги.

Самарский гость мимоходом докладывал о заключенных московских лавках, о двадцати двух разрешениях на получение подтяжек, об окончательном и уже абсолютном брожении в красной армии, о дохлых лошадях на углу Кузнецкого моста, о комиссарских автомобилях, о подвалах на Лубянке.

— Мы это слышали,—прервал его вдруг Кашенцев, сдавленно, с хрипотой.—Надоело. К делу!

— Voilà! — сказал докладчик, некогда жительствующий в Париже—и слегка обиделся.

Во втором часу ночи было постановлено, что для развития намеченного плана в Москву должен направиться член Комитета.

Ассаркисов, сонно пропуская сквозь пальцы ассирийские завитушки (опять впереди ночевка в передней питерского репортера из «Биржевки»), предложил Кашенцева.

Беатриса Ароновна высоко занесла руку:

— Я за Кашенцева.

И в бок бархатно пропела Кашенцеву:

— Я вас от души приветствую.

Самарский гость, чиркнув в записной книжке, перешел ко второй части доклада:

— Итак, в сознании всей важности момента мы на съезде, в противовес захватчикам из Кремля, полностью выявили непреклонную волю всего крестьянства, широких рабочих масс и...

Кашенцев нагнулся к Беатрисе Ароновне:

— Где вода?

Беатриса Ароновна качнулась испуганно:

— Где беда? Где?

Кашенцев усмехнулся:

— Не беда. Вода где? Душно, пить хочется. Внизу, да?—и, продолжая усмехаться, тихонько стал пробираться к выходу.

Завизжала железная винтовая лестница; в магазине по книжным полкам шуршали мыши, в прорез ставня пробивалась острая полоска уличного фонаря, точно сабельный клинок, сверкая, на двое рассекала сумеречную завесу. Сбоку от лестницы Кашенцев присел на полуразвороченный тюк—пощупал, садясь: брошюрки, вытащил одну, на острие полоски разобрал: «Учредительное Собрание—хозяин земли русской», уронил книжку; сдуру ткнулся в ноги потревоженный мышенок, пахло клеем.

Отводя голову в сторону, Кашенцев полез в карман и, раздирая выхшие жаждущие губы, сунул револьвер в рот.

Наверху самарский уполномоченный заканчивал доклад:

— ... И на пути нашем мы не сворачивали и не свернем знамени своего, полученного нами, подлинными наследниками, из холдеющих рук великих наших...

Андрей Соболев

Дом кредиторов.

Фот. Дж. Грауденн.

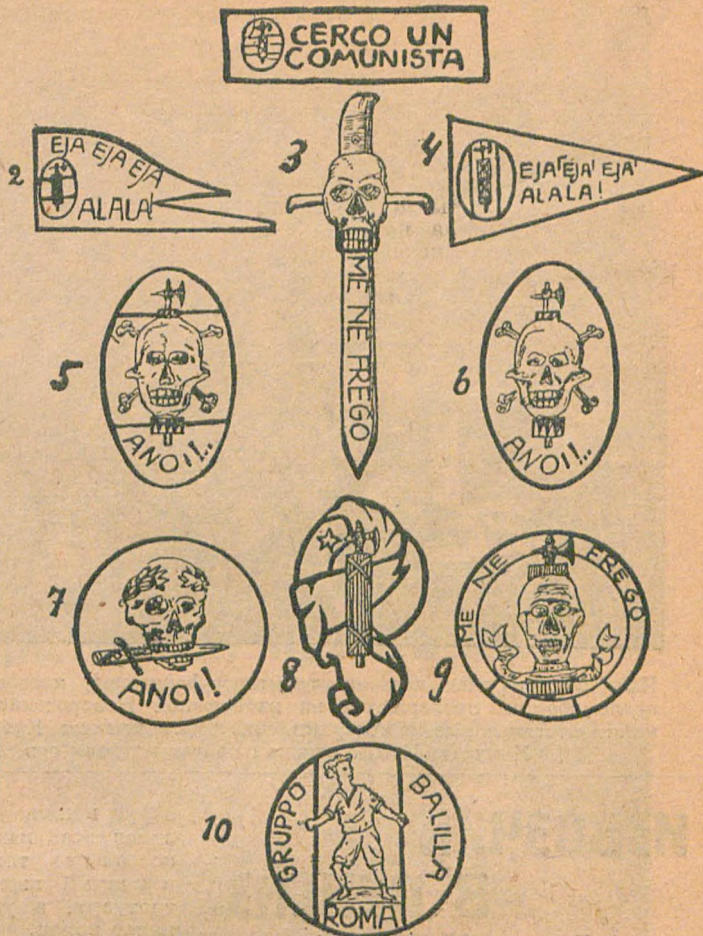
Этот огромный шестизэтажный комод воздвигнут в Берлине только на днях. Что в нем? Школа, больница, фабрика? Нет. Это—управление государственных долгов Германии. В этом доме тысячи чиновников репарационной комиссии Антанты целые дни заседают и работают над вытягиванием из Германии контрибуции. Само собой разумеется, и громадный дом выстроен за счет германского народа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

„ОГОНЕК“

см. обложку настоящего №-ра.

Фашистские знаки.

Даем объяснение надписей на приводимых здесь изображениях знаков фашистских организаций:

1) «Cerco un comunista»—«ищу коммуниста».

2, 4) «Eja. Eja. Eja. Alala!»—боевой клич фашистов.

5, 6, 7) «Anoi!»—«За нами».

3, 9) «Me ne frego»—грубое итальянское выражение, по смыслу приблизительно соответствующее русскому «наплевать». Это «me ne frego»—является девизом фашистов, как бы выражением их «философии». Фашисты весьма настают своим «плевательным», не признающим никаких определенных «программ» мировоззрением. «Me ne frego» фигурирует во всех фашистских изданиях, во всех их песнях. Весьма популярна, среди фашистов, например, песенка:

«Наплевать мне, наплевать на смерть, наплевать на Бомбаччи, наплевать на солнце будущего».—Бомбаччи, как известно, один из лидеров итальянских коммунистов, «солнце будущего»—намекает на «гимн работников», в котором поется о «лучах солнца будущего, сверкающих на наших знаменах».

10) Gruppo Balilla, Roma».—«Группа Балилла. Рим». Балилла—имя мальчика, бросившего в Генуе, во время войны за освобождение, камнем в австрийские войска. На значке изображен мальчик—«Герой».

Из книги Геррит Энгельке.

Ритмы Новой Европы.

† I. В трамвае.

Как вагон по закругленью
вдаль бежит,
Перед ним блестящих пара
рельс лежит,—
Бег его, как танец.
Под полом моторы громы-
хают,
Сверху ж, с проводов свер-
кают Искры.

Мимо фонарей и вывесок не-
сётся...
Миг да миг; моды крик; без
людей лошадей...
Дно вагона пляшет и тря-
сет,

Пляшут мысли в голове
моей...
О, поток! О, поток!
Вагон, людьми наполненный
до края,
Шумит, жужжит, в такт
мыслям поспевая...
Вагон поет, гремит он и
визжит...

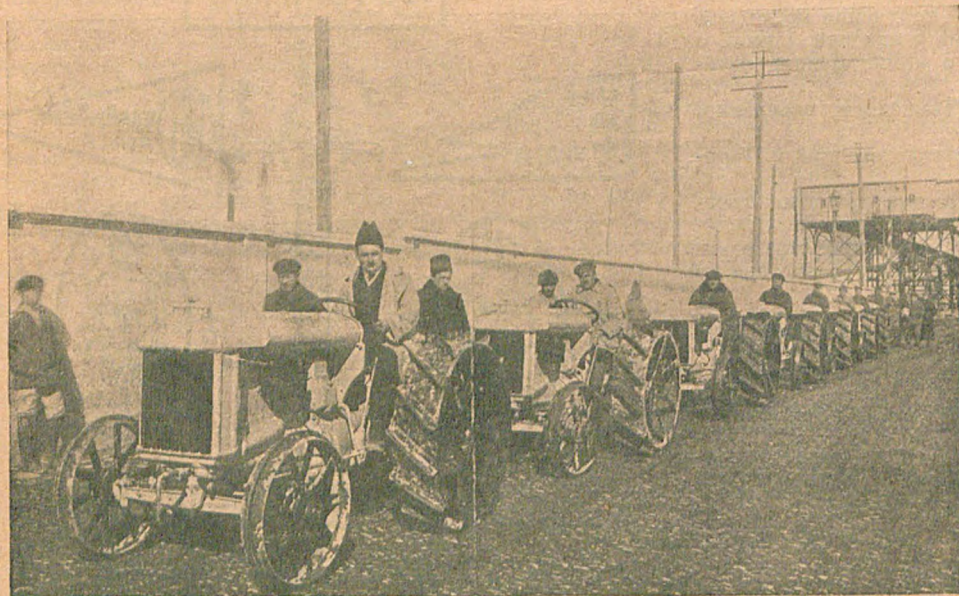
Вдруг дребезжит
Звонок.
Прерван поток.
Я вышел.
Вагон танцует дальше.

Перевел *Вл. Паст.*

Первый отряд!

От новороссийского корреспондента «Огонька».

Фот. А. Тельберга.

Наш снимок дает колонну тракторов фордсонов, которые по выгрузке с парохода, после сборки, проверяются на набережной Новороссийского порта. Эти стальные кони, доставленные из Америки, уже бороздят поля Кубанских станиц и Северного Кавказа. Новая колонна пойдет на поля совхозов Юго-Востока.

ИЗВОЗЧИК В ПЕНСНЭ.

Рассказ Ильи Ренца.

1.

Андрей Иванович вышел из дому, как всегда, в сорок минут десятого и направился в контору, где служил.

Была гололедица, галоши скользили, и у Андрея Ивановича сжалось сердце при мысли, что он может опоздать: обычно ходьбы до конторы было восемнадцать минут.

Напрягаясь, чтобы соблюсти равновесие, он зашагал быстрее и начал переходить улицу по обледенелым камням мостовой, когда вдруг остановился и замер.

На козлах пролетки сидел извозчик в пенснэ.

2.

До сих пор Андрей Иванович не верил ни во что необыкновенное, чудесное, возвышенное, а все, что читал некогда в книгах, считал просто испорченной бумагой.

Когда однажды квартирная хозяйка рассказывала ему про горе дочери, от которой ушел муж, и упомянула о разорванном в отчаянии платье, Андрей Иванович, скудно слушавший ненужные ему, да и к тому же женские, слова, повернул голову и внимательно спросил:

— Шерстяное?

Ибо все остальное в этом горе никакого делового интереса не представляло.

Прогресс человечества он понимал, как вопрос об увеличении жалованья. Тема о женщине не существовала для него, ибо из женщин он знал только квартирную хозяйку и прачку. Революцию же воспринял лишь в том смысле, что прежде ему надо было бояться полиции, теперь же ему надо бояться милиции.

3.

Издаലെка приближалась весна. Ездили еще на санях и уже на пролетках. Над голыми деревьями появились стайки ворон, гортанно перекликавшихся друг с дружкой.

Утро было солнечное, и маленькие лужицы, вновь затянущиеся тонким ледком, то и дело взвизгивали под ногами. Андрей Иванович, наступив на одну из них, шаловливо лопнувшую под галошей,

вдруг понял, что идет весна, и сам удивился этой мысли. В то же время глаза настойчиво тянулись вслед за удалой в риний школьником, скользивших по тротуару, а уши слушали веселое карканье ворон.

— Здравствуйте, Андрей Иванович! — догнал его сослуживец и пошел рядом. — О чем задумались так?

Черноморский флот.

Статья пом. по морским делам главкома Республики Эд. Панцерманского.

Невольно встают перед моими глазами картины недавнего прошлого, запечатленные кровавыми страницами в истории гражданской войны. Сравниваю Черноморский флот 20 года и нынешний. Из хаоса и обломков разрушенного прокля-

ту со стороны Союза Советских Социалистических Республик, отчетливо свидетельствует о твердом сознании грядущей опасности и угрозы с моря мирным пастбищам и мощным промышленным и промышленным центрам, к которым

Краснофлотская учеба. Практические занятия с минами типа Уайтхеда в море.

тыми руками Врангеля старого, некогда могучего флота, вырастает новый, Красный флот, скованный единой мыслью, единой волей к победе рабочего класса. В море и на берегу, на кораблях и в школах, в красных казармах, на доках и в мастерских — повсюду чувствуется подлинная жизнь, желание работать, не покладая рук. Внимание, которое оказывается Красному фло-

единая мысль и единая воля.

В Африке, в Бизерте французами гноится достоинство русского народа — ценные боевые единицы старого флота, уведенные предателем Врангелем.

Да здравствует новый Красный Черноморский флот южных советских республик.

Эд. Панцерманский.

— Представьте себе, на углу Леонтьевского и Тверской сидел извозчик в пенснэ.

— Леонтьевского... неужели? — рассеянно ответил сослуживец, потому что был без галош и остановился, отряхивая свой только что выкупавшийся ботинок.

Андрей Иванович тоже остановился и даже сочувственно почмокал губами. В этот день он впервые пришел в контору с опозданием. В две минуты одиннадцатого.

4.

В бухгалтерском отделе занятия шли ровно и аккуратно, как всегда, и, как всегда, сидел на своем стуле Андрей Иванович, склонившись над разграфленной красными линейками книгой.

Но мысль странно томилась, и Андрей Иванович, услышав разговор машинистки об эпидемии гриппа, в городе, невольно подумал, не заболел ли и он? Даже пошел в переднюю, где висело зеркало, и попытался взглянуть на язык, но свету было мало и язык был красный, так что вопрос о здоровье так и остался нерешенным.

Вернувшись и сев за стол, Андрей Иванович готов уже был вновь опустить голову над своим гроссбухом, как вдруг взор его на пол-пути этого движения остановился. Машинистка за столиком у окна, не имея работы, читала газету, и стройные ножки ее в серых чулках, скрестившись и вытянувшись из-под короткого платья, отдыхали под столом, чуть покачиваясь на каблучке туфли.

Машинистка, неожиданно вынырнув из-за газеты, заметила взгляд Андрея Ивановича и, подбирая ноги, улыбнулась. И он улыбнулся ответно. Потом сжал недовольно губы и погрузился в работу.

Положительно, он нездоров. Теперь он больше уже в этом не сомневался.

5.

Шли дни, но никакая болезнь не сказывалась. Между тем томление мысли не

Новый полпред в Монголии.

А. Н. Васильев полпред и торговед в Монголии.

прекращалось и даже приводило к совершенно неожиданным результатам.

У Андрея Ивановича был товарищ по гимназии — ветеринарный врач Гузиков. Жена его пела, а он играл на скрипке, и потому они устраивали у себя изредка «литературные вечера». Вечера назывались литературными не совсем справедливо, потому что, кроме скрипки Гузикова и пения его жены, в программу вечеров входила только игра на рояли кузины-консерваторки и декламация Андрея Ивановича, читавшего стихотворение Пушкина:

Я помню чудное мгновенье.
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И так далее. Знал он его наизусть еще со времен гимназических, и никакой другой поэзии, помимо этого стихотворения Пушкина, не признавал. Ради аплодисментов, даривших в эти вечера душе Андрея Ивановича чувство гордого удовлетворения, таскался он куда-то за город, к скотобойням, где жил ветеринарный врач. Там его оставляли и почевать, что — вместе с декламацией — вносило единственное разнообразие в томительный и размеренный ход его жизни.

И вот в последнюю субботу, когда хозяйка дома произнесла желанное:

— Теперь нам продекламирует Андрей Иванович!

И гости подтвердили хором:

— Просим, просим, просим! —

— Случилось необычайное, неслыханное, сумасшедшее. Андрей Иванович встал и прочитал стихотворение Уота Уитмэна:

Женщина ждет не дожидается меня.
У нее нет недостатка ни в чем, она вмещает
в себе все без изъяна.
Но не было бы у нее ничего, если бы у нее
не было пола,
Если бы у истинного мужа не было влаги
для нее.

6.

Перед ужином ветеринарный врач отвел Андрея Ивановича в свой кабинет и спросил его строго:

— Что означает твоя выходка со стихами? И разве это стихи? Белиберда какая-то! Свиństwo! И перед дамами... Ничего не понимаю!

— Ты ошибаешься, — ответил, сдерживаясь, Андрей Иванович, но лоб его от напряжения мысли и от непривычных слов сжался в несколько параллельных и темных морщин. — Это стихи Уота Уитмэна. Он американский гений. Даже критик Чуковский написал про это статью.

— Почему ты знаешь? Откуда это к тебе? — недоумевал Гузиков, сверкая очками и вздергивая плечами кверху пиджак.

— Купил книжку и прочитал, — объяснил Андрей Иванович и добавил: — теперь новые времена. Надо все знать.

Гузиков крикнул и, ничего не ответив, потушил в кабинете свет. Пошли в столовую, где уже подали ужин.

Ветеринарный врач не подливал, как бывало, в рюмку Андрея Ивановича вишневки. И госпожа Гузикова не оставила его почевать.

То, что извозчик носил пенснэ вихрем смело все прежние представления Андрея Ивановича о жизни и о том, что полагается в ней.

Все печатные слова и все людские речи о движении вперед, о революции, об эволюции он привык считать чей-то хитрой уловкой, применяемой теми, кому это дает доход. Жизненного же значения он таким словам никогда не придавал, относясь к ним, как взрослые относятся к выкрикам уличных мальчишек. Иногда пропускал мимо ушей, иногда отмахивался и кривился.

Но извозчик в пенснэ — это уже не была фантастика слов или отвлеченная, ни к чему не обязывающая, мысль. Это был живой реальный извозчик, которому спокон веков полагалось быть красношлемым грязным мужиком, а он вместо того сидит на козлах в пенснэ, как какой-нибудь доктор или нотариус в кабинете. Все сдвинулось, все переделалось, все перешагнуло через столетия.

Американская делегация в России.

В Москву на днях прибыла американская торговая делегация во главе с м-ром Брауном.

Суд над паразитами крестьянства.

От нашего коломенского корреспондента.

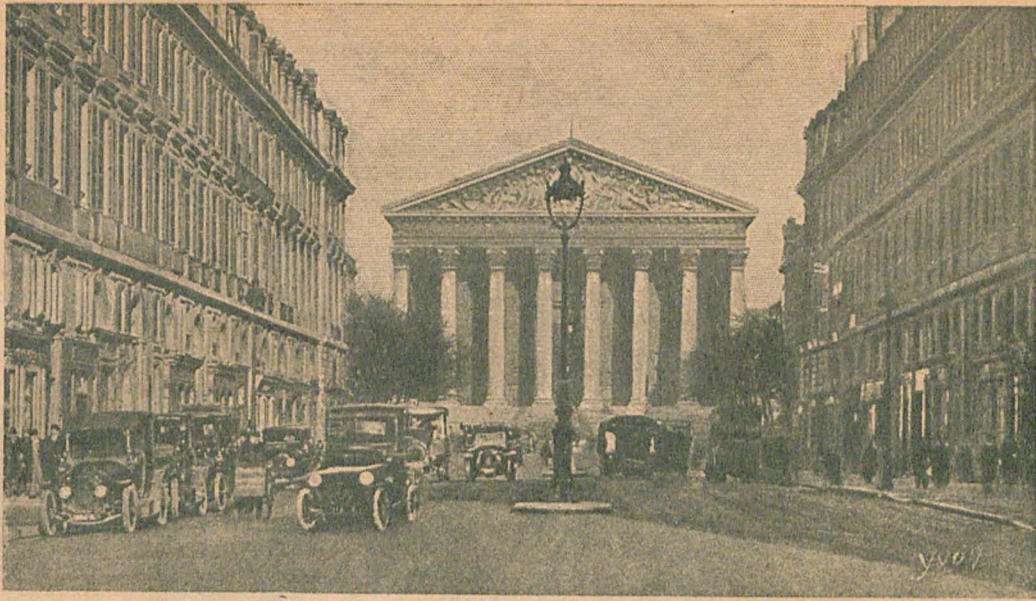
Фот. А. Тамба.

При сборе продналога в Коломне, в театре при Коломенском машиностроительном заводе, был организован судебно-показательный процесс о злоупотреблениях сотрудников коломенского упродкома в течение продналоговой кампании 1922 г. Показательный процесс

привлек массу рабочих и крестьян. Обвинялся бухгалтер упродкома тов. С-цов, главный виновник в подделке продналоговых ярлыков. Он же руководитель по сбору зерна. Остальные соучастники — сотрудники упродкома, которые принимали участие в его преступлении. Кроме того, было привлечено несколько местных кулаков. Все они понесли заслуженную кару и приговорены к заключению на различные сроки, до 10 лет. Процесс вызвал громадный интерес среди присутствующих рабочих и крестьян.

Париж днем.—Площадь Мадлен.

ПАРИЖ СЕГОДНЯ.

Очерк Александра Оленина.

В переполненном вагоне Кельнского поезда жирные акционеры и торгаши, не смотря на имеющиеся плакаты у женщин из труппы Московского Камерного театра, следующего во Францию, не уступают места, заявляя:

— Мы уступаем места только немецким женщинам. Бесконечные разговоры о засилии иностранцев, о рурском угле, о коммунистах и Сталине, прерываются строгим возгласом:

— «Passeports»! ¹⁾

Это начинается полоса оккупации. Первый французский солдат.

Уже за Ганновером чувствуется та сгущенная атмосфера, в которой кажутся придушенными голоса железнодорожников, рабочих угольных копей и выселенцев в глубь Германии, останавливаемых грубыми окриками французских офицеров с наглыми физиономиями, с сигарами в углах рта.

Специальные белые бумажки, выданные французским посольством в Берлине, на право проезда в Париж, успокаивают проверяющего документы, т. к. предъявленный мною, по привычке, паспорт с заголовком: *Proletaires de tous les pays, unissez-vous!* ²⁾ привел его в неопределимое беспокойство.

На улицах Кельна, среди озабоченных бюргеров и рабочих с лицами, знакомыми нам по жертвам голода на Волге, фланируют солдаты и офицеры всех мастей Антанты. На площади у потрясающих своим величием громад Кельнского собора разместились с походными кухнями обоз англичан, у стены собора неловко жметесь немецкий полицейский, а по мостовым целые шествия французских эшелонов.

Спущены флаги судов на широком Рейне, грустно поют свои песни в пивных и на бе-

регу пришибленные бюргеры и лишь великолепная архитектура собора и витражи

Дюрера ¹⁾ говорят о бывшем величии германской нации.

Утром—в Париже.

С места в карьер попадаю в гущу уличного движения. Свистки, гудки, крики бегущих по тротуарам газетчиков.

— «La Liberté», «Figaro», «la Liberté», «Intransigeant», «Humanité». Современный Вавилон, на западе его называют «Столицей мира».

Человеком, еще неискушенным, перехожу улицу, по которой несутся сотни автобусов, автомобилей, велосипедистов, опасаясь ровный камень мостовой превратить в свое смертное ложе.

Завидую и дивлюсь метрополитэну. Можно, совершенно не зная Парижа, попасть во все концы и закоулки города, сев за 30 сантимов в подземный поезд. На бесчисленных узловых станциях пересадки со спуском для них в более глубокие вторые, третьи и четвертые книзу этажи или линии под рекой Сеной. Из глубокого подземелья пассажиров к выходу поднимают широкие лифты. Всюду стрелки и названия направлений, заменяющие указания служащего. Метрополитэн — целый подземный город, освещенный яркими огнями станций. В его зловещих коридорах поезда, чуть-ли ни один за другим, несутся с бешеной скоростью, не заставляя себя ожидать более полминуты.

Земные пасти—входы и выходы метрополитэна, беспрепятственно поглощают и выбрасывают тысячи пассажиров, спешащих в конторы, авио-заводы, банки, магазины и кафе, раскинувшие свои столики на широких уличных тротуарах. В холодную погоду это уличное кофейное пространство отапливается специальными печами.

За огромными огородами предместья Парижа, где в вагоне трамвая встретишь лишь толстых огородниц, помещает-

В Париже дождь... Египетский обелиск на площади Согласия.

¹⁾ Витраж — оконная живопись. Дюрер — старый немецкий художник.

¹⁾ «Паспорта!»

²⁾ Пролетарии всех стран, соединитесь!

Вид на Эйфелеву башню.—На переднем плане фигура мавританского дворца Трокадеро.

«Чудо новой архитектуры из бетона, стали и стекла—вокзал воздушного сообщения с отходящими и приходящими аэропланами из Англии, Испании, Бельгии и т. д. Ранней весной Париж, одеваясь в пестрые карнавальные одежды, празднует масленицу—*Mi-Carême*. Звонят бубны, гудят дудки, на улицах пляски и песенки, так называемых *chansonier* из кабачков Монмартра. Полупьяный Париж не спит в этот день до самого утра, забывая о передовицах и дневнике происшествий газет демократических и просто бульварных. Лишь консьержки—профессиональные церберы парадного входа парижских домов, не забывают просмотреть курс биржи, чтобы узнать: сколько прибавилось сантимов в сумме на «черный день».

Все эти консьержки и мелкие служащие обладают какими-нибудь ценными бумагами, приближающими тот, желанный для всякого мелкого буржуа, день, в который он станет рантье и собственником маленького дома на городской окраине, где будет заводить собственный граммофон. Те, что покрупней смогут себе позволить и то, чем сейчас пользуются обитатели *Passy*¹⁾—радиотелефон, чтобы, сидя в кресле, у себя дома, слушать симфонические концерты, речь в парламенте или лекцию в Сорбонне²⁾, стоит лишь, повернув выключатель, зажечь две магические лампочки.

Ночью на черном небе появляются гигантские буквы, образующие фразу:

— Автомобили только Citroën.

Это при помощи виражирующего аэроплана, оставляющего за собой воздушный след, рекламируется популярная автомобильная фирма.

А утром, часа в 4, когда потухают небесные буквы и огни кабаре Монмартра и Больших бульваров, огромные грузовики, груженные апельсинами, цветной капустой, мясом и овощами, тянутся к утробе Парижа—базару «*Les Halles*», где среди моря

красных, синих и зеленых плодов догуливают ночь веселящиеся иностранцы, торгуются с продавцами хозяйки из рабочих кварталов, негры, играющие в оркестрах танцулек и владельцы собачьих магазинов, рассеянных в бесчисленном количестве по всему Парижу. Кричат, клянутся, надувают.

На стене рыночного строения надпись мелом:

Vive Lénine!¹⁾

При взгляде на надпись с одобрением проходят в засаленных костюмах-комбинациях рабочие и шофферы и негодуют торговцы.

Под благодатным покровом блестящей техники, махровым цветом расцветают мещанство и нелепая условность. Мои беседы на самые обыкновенные, бытовые темы заканчивались неизменным утверждением собеседника:

— «Vous êtes propagandiste, vous êtes bolchevique!»²⁾

Нигде до Парижа и в дальнейших городах моего пути я не встречал такого количества католических попов, проповеди которых, в переполненных прихожанами и деньгами храмах, весьма влиятельны во французской республике. Сокровищницы искусства посещаются исключительно иностранцами, главным образом американцами, которые сквозь круглые, большие очки с одинаковой холодностью созерцают Джакобонду, Рубенса, Пикассо, антраша танцовщиц в «*Moulin rouge*»³⁾ и городские здания с высоты длинных экскурсионных автомобилей. На выставке «Современники» в залах Большого Дворца—около шести тысяч полотен. Каждый художник без различия направлений имеет возможность показать свои работы за год. Полотна выставки в большинстве по своему характеру близки нашим «передвижникам» и «Миру искусства».

После ошеломляющего впечатления от посещений бесчислен-

¹⁾ Да здравствует Ленин!

²⁾ «Вы—пропагандисты, вы—большевики!»

³⁾ Кабаре «Красная мельница».

Большие бульвары. Цветочница у храма Мадлен.

¹⁾ Район богачей.

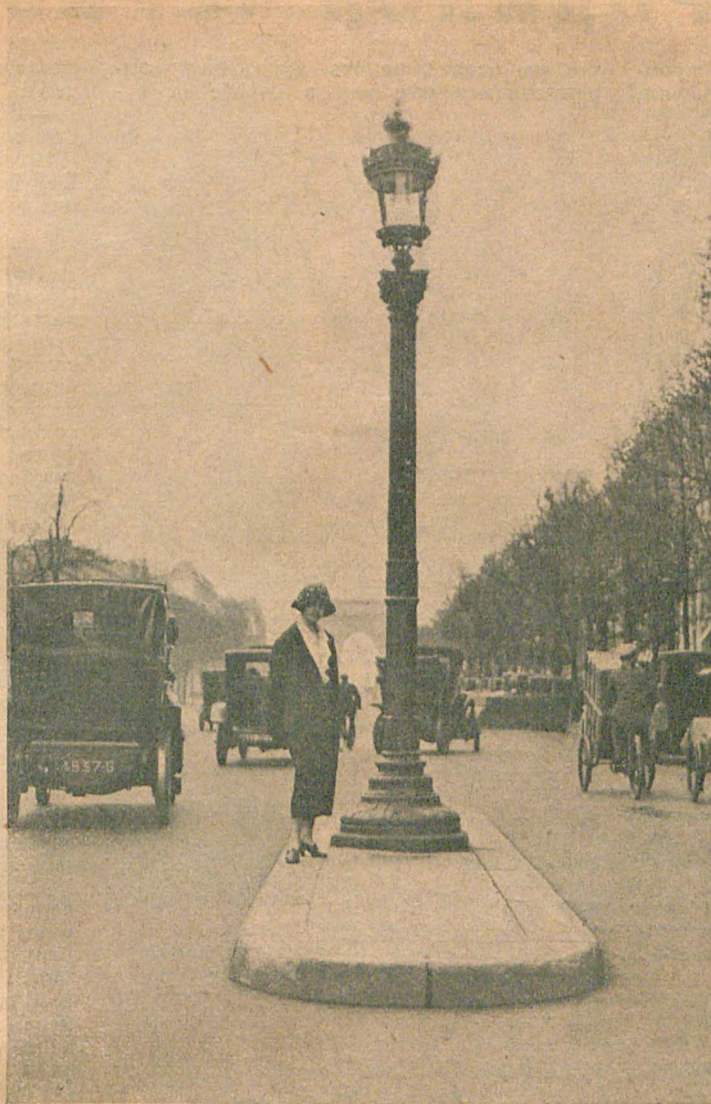
²⁾ Парижский Университет.

ных музеев, галлерей и мастерских художников, где у одного и того же мастера наряду с экспериментами деформации, работы классической четкости и мастерства, знакомство с искусством театра заставляет гордиться нашим и рассказами о нем ошеломлять французом.

Когда-то блестящая «Французская Комедия», давшая целую плеяду знаменитых актеров и утвердившая в целых поколениях свою школу, в настоящее время чрезвычайно похожа на случайные спектакли, на скоро сколоченные театром Корш. Старые, потерянные декорации—павильоны, архаическое мизансценирование, жесты потрясающих кулаков, тремоло голосов и фальшивые, технические слезы актеров—до сих пор волнуют французского буржуа, прерывающего действие после наиболее ударных мест шумными аплодисментами. Репертуар составлен из классической трагедии, комедии и мелодрамы, которая своей сентиментальностью больше всего по вкусу посетителям «Комедии».

После «Карнавала жизни» в этом театре, спектакль «Карета св. даров»—Меримэ в театре «Старой голубятни», руководимом режиссером Копо, кажется крайне левым, но по существу похожим на спектакли Первой Студии Московского Художественного Театра, периода «Сверчка» и «Потопа».

Знаменитая «Большая Опера», куда в партер пропускаются женщины в вечерних платьях, а мужчины во фраках и смокингах,—старая рухлядь царства «Вампуки». Легкомысленного француза не интересуют новаторские искания, скрытые в глубине подполья искусства на Монпарнасском

Елисейские поля. Актриса Камерного театра Н. Горина на прогулке.

идет одна и та же программа, ежевечерне привлекающая переполненный зал публики. В антрактах между номерами, наперебой живой рекламой и премией за разгадку политической парады о Пуанкаре, расхваливают свое производство фирмы мод и автомобилей.

Великолепен цирк, зрелища которого блестящей выдумки и мастерства исполнения.

В клетках зоологического сада не хватает орангутангов из парижского «Союза русских писателей», который потоками розовой водички речей Бальмонта и балетного критика Андрея Левинсон оплакивает поруганный в России «эстетизм».

На вечер «Современной русской поэзии», устроенном в «Хамелеоне» литератором Александром Мерсеро, после моего заявления, что для нас четыре агит-строчки Маяковского ценнее всего творчества Бальмонтов, Мережковских и Буниных, поднялась целая буря негодования, усилившаяся после моих слов.

— Читаю стихотворение Асеева, напечатанное в «Известиях ВЦИК».

А на следующее утро на улице встретил меня вопросом недоумевающий сотрудник «Intergaigant»:

— Как, вы еще здесь? А я полагал, что вы уже на бельгийской границе.

Через неделю я покинул Париж, правда, без помощи префектуры полиции.

Александр Оленин.

РОДИНА.

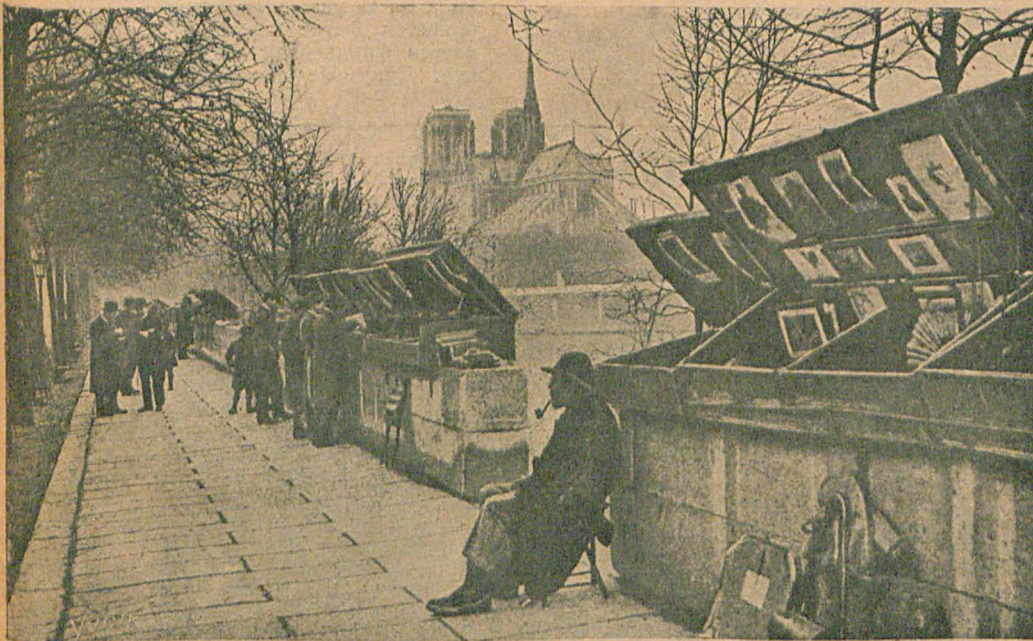
Стихотворение Ник. Полетаева.

Люблю Россию я, по странною любовью.

Лермонтов.

Я родины с роду не знал
И я не боюсь укоризны
Не мог же быть тесным подвал
Мне светлой и милой отчизной.
Трактиры, деревни, поглы,
Да гнутые спины мужичьи—
Понятно я это любил,
Любил, как родное кладбище.
Любил по ночам голосить
В тон осени, ветру и девкам
Про горе степное Руси,
Про вражьи лихие издевки.
Но я не любил по ночам
О наших читать генералах
Внимал и чудесным речам
О рыцарях верных и дамах.
Герои... Истории пот
Дал двух из толпы негодяев:
Один из них пьяный Петр,
Другой—недотепа Нечаев.
Но вот, как водой с утра
В трясину пропоя и лени,
Пришел к нам из бодрых стран
Простой и серьезный Ленин.
И вот сквозь звездный лик,
Сквозь вой и смелые потопа
Я вижу: другой материк
Пред старою выпер Европой.

Николай Полетаев.

Букинисты на берегу Сены.

бульваре, где молодежью, вождем которой является Кокто, ведутся планетные споры и где упражняется в парадоксах дадаист Зара. Даже рабочие авиа-заводов, до вечеров меняющие свои широкие бархатные штаны на вечерний костюм, посещают опер тлу с неизменными

«Ta bouche», и «Dédé», и «Casino de Paris», где в нелепых обозрениях блестяще исполняет песенки пятидесятилетняя Мистэнгет и где под музыку негритянского оркестра эксцентрические танцовщицы выбивают умопомрачительную четку.

Чуть-ли ни целый год в таких заведениях

КАК РОДИЛСЯ ЧЕРВОНЕЦ.

...Он пришел год назад. Пришел скромно, но с достоинством. Когда он объявил,

что его задача помочь худосочному выходящему совзнаку в борьбе за су-

ществование — все несоветское захихикало:

— Почему червонец—лучше совзнака? Оба советские!..

Но за спиной червонца стояло золото. Ему не хотели верить, хотя в удостоверении личности червонца было ясно сказано: на 25% обеспечен золотом, на 75% — векселями, товарами и т. д.

Червонец было выпущено 200.000. Прошел год. Теперь их 26.961.241. Их не хватает, их ищут, за них платят больше того, во что их ценит Гос. банк. Ищут самые не советские люди — папаны и биржевые зайцы. Нужны они всем. Даже за границей!

На нашей бирже они стоят дороже, чем фунты стерлингов и доллары. В прошлом году за червонец надо было заплатить 4,67 доллара, а в октябре текущего года он стоил 4,82. В январе за червонец платили 80 франков, а в октябре 89,8. А на бирже знают цену деньгам...

Червонец отстоял свои позиции. Он обслуживает промышленность и дает правительству возможность сокращать эмиссию. Эта та помощь, которую червонец хотел оказать совзнаку.

В то время, когда в Германии и Польше не хватает печатных машин, чтобы печатать марки, совзнаки делаются вспомогательным второстепенным средством денежного обращения. У нас в обращении 226 мил. руб. в червонцах и 75 мил. р. в совзнаках — $\frac{3}{4}$ в устойчивой, обеспеченной золотом на 51% валюте.

Год назад, когда возникла идея выпуска червонца — раздавались споры о нем, говорили за и против, возражали, полемизировали. Нарком финансов Г. Я. Сокольников написал тогда первые тезисы о новом совзнаке. Его физиономия была неясна, знали твердо его сущность, назначение, но не форму. Предполагали выпустить гривну. Если бы на этом названии остановились, теперь на улицах Москвы раздавались бы голоса «беру гривны, даю гривны»... Судьба решила иначе: вместо гривны — родился червонец. Мы помещаем в «Огоньке» факсимиле первых тезисов, написанных рукой Г. Я. Сокольникова о выпуске червонца. Это нечто вроде выписи из метрической книги... Отсюда начинается бытие червонца. Отсюда начинается финансовая мощь Советской России. Документ — исторически ценный.

Ив. С.

Р. С. Ф. С. Р.

Народный Комиссариат Финансов.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ
НАРОДНОГО КОМИССАРА

10 июля 1922
№ 2

Москва, Ильинка, д. № 9.
Тел. № 3-08-33.

№ 5
ЗП

11

Музык и Банковладельца

1. Ввиду отсутствия в обращении банкноты 10 рублей, подлежащая обмену на 1/4 французских франков и иностранная валюта по курсу на момент и на остаток суммы легко реализуемым товарам, векселям или другим краткосрочными обязательствами. Ввести в обращение банкноты 10 рублей и их оборотный курсовый лист в 2 недели.
2. Вексельная сделка в которой выпускается банкноты 10 рублей именуется гривной. Гривна приравнивается по своему значению к 10 рублям, т. е. = 174,24 франка / 1 метр французской банкноты 100 франков = 1,25 м. 10 гривен т. е.
3. Срок начала работы банкноты на момент выпуска и сроки приравнивания к ним по курсу приравнивания валюты отнесенной в валютных документах.
4. Банкноты приравниваются по нарицательной стоимости в рубль к 100 рублям, т. е. к 174,24 франка / 1 метр, т. е. к 1,25 м. 10 гривен (т. е. к 174,24 франка / 1 метр, т. е. к 1,25 м. 10 гривен) когда размер гривны установлен в 10 рублей.
5. Ввиду отсутствия в обращении банкноты 10 рублей, подлежащая обмену на 1/4 французских франков и иностранная валюта по курсу на момент и на остаток суммы легко реализуемым товарам, векселям или другим краткосрочными обязательствами. Ввести в обращение банкноты 10 рублей и их оборотный курсовый лист в 2 недели.
6. Ввиду отсутствия в обращении банкноты 10 рублей, подлежащая обмену на 1/4 французских франков и иностранная валюта по курсу на момент и на остаток суммы легко реализуемым товарам, векселям или другим краткосрочными обязательствами. Ввести в обращение банкноты 10 рублей и их оборотный курсовый лист в 2 недели.

Одесское революционное подполье.

Фото-архив «Огонька».

История партии — есть история рабочего класса.

Подвиги и жертвы рабочего класса на его революционном пути укрепляют идеалы и закаляют боевые традиции партии. Каждый член партии, каждый рабочий должен заняться изучением предыдущего опыта, не возлагая этого только на своих вождей.

Поэтому-то с такой торжественностью был открыт в Одессе при Музее Октябрьской революции отдел революционного движения одесситов.

Отдел этот представляет огромный интерес для каждого рабочего. Здесь зафиксированы буквально все этапы революционного движения одесских рабочих.

На приводимом нами рисунке виден вход в одесские катакомбы, где при Деникинщине печатался подпольный «Коммунист».

Это прошлое! А теперь — партийная выставка Свердловского района, это теперешнее. Это наши дни! Это то, что выросло из подполья катакомб.

Д. Маллори.

Одесские катакомбы, где печатался при Деникинщине подпольный «Коммунист».

Валерий Брюсов.

14 декабря в Москве состоялось чествование известного поэта и писателя по случаю пятидесятилетия со дня рождения.

Золотой идол.

Рассказ Николая Ашукина.

Базар, балаган, бакалея: слова самые обыкновенные; услышишь их всюду... А слова пришли с востока, из Персии... Иди на Смоленский рынок, русский базар, и на Арбате — в рыке автомобилей и блеске стеклянных витрин — в знойный летний день не услышишь унылого скрипа татарской арбы: но арба проскрипела; скрип сквозь столетия: Арбат. Мимо пестрых афиш на стенах (зрелища, митинги, приказы, распоряжения), мимо европейских плакатов об азиатском голоде (вспомни древние летописи), в любой из дней по новому европейскому стилю, в скрипе столетий, залегших в камнях Арбата, под небом, пронизанном волнами радио, (Все! Все! Все! Русская революция...) — ты попадешь в Азию, на базар. На углу улыбнется коричневой лоснящейся рожей, сверкая, как идол, оскалом зубов, чистильщик сапог; рыжебородый субъект, весь обвешанный блестящими металлическими шарами на зеленых шнурах (раньше служили они подхватами для тяжелых драпри), с дощечкой на груди, где намалеваны знаки зодиака, рассматривает чью-то ладонь сквозь огромную лупу, крепко зажатую желтыми табачными пальцами, — предсказывает прошлое, настоящее и будущее — судьбу. Мимо закатывающих бельма слепцов, гнудосящих, словно граммофон со стертой пластинкой столетий, об Алексее человеке божьем, стиснутый потной жаркой толпой (спины, плечи, шляпы, картузы и — новейшая мода — шитые золотом и цветными шелками восточные тюбетейки), обжигая слух кипятком крепчайшей азиатской брани, мимо палаток и ларьков со всякими товарами, отиснутый толпой, попадешь под ворота, где торгуют хламом, старьем: шурум-бурум...

Базар — слово персидское. Пышноцветный, шумный, грязный восток — Смоленский рынок в Москве. И неудивительно, что бронзовый пузатый идол (старичек продавец называл его персидским), вылупив кровавые карбункулы глаз, сидел на разостланном коврике, а рядом с ним лежали старые бинокли, барометр, веер, две китайских тарелочки и еще какой-то блестящий изломанный хлам.

Зиркин — человек деловой, коммерческий. К антикварному хламу он не приглядывался. К шурум-бурум отнесили его сверлящие трели миллионских свистков: что-то случилось, и вместе со всеми отнесло Зиркина в сторону.

Сложив руки на бронзовом голом брюхе, глядел на него идол. Зиркин взглянул на него и чуть не ахнул. — Ну, конечно, тот самый... Он узнал его по красному блеску выплупленных глаз. Нагнулся и приподнял идола с коврика.

Бронзовая рожа ухмылялась, обнажая позеленевшие мелкие зубки. — «Попрежнему тяжелый, неужели все цело?» подумал Зиркин и спросил сухонького старика в очках о цене.

Заплатить за глупого идола миллионы Зиркин не мог. Германский сахарин в кристаллах и таблетках не давал такой высокой прибыли, чтобы, не задумываясь, он выложил требуемые миллионы. Дело, конечно, было не в идоле, которого расхваливал старичек: — «Высокохудожественная работа»... Зиркину было нужно убедиться: цело ли внутри идола то, что он предполагал найти в нем.

— Вот тут крышечка, — сказал он, перевертывая идола, — вы не отвертывали ее, что в нем?

— Ничего нет, да здесь ничего и не отвинчивается.

«Значит, старик ничего не знает». Но купить идола Зиркин все-таки не мог. Даже если бы и были у него деньги, страшно идти на риск. Но риск был соблазнительен. Зиркин сразу узнал идола, которого прежде видал у купца Джамина. Джамином, действительно, торговал с Азией и с Персией. Кто-то из восточных людей привез ему этого идола в подарок. Джамина умер в сумасшедшем доме. Было ли правдой то, что он говорил Зиркину про идола? Зиркин против Джамина был человек маленький, хотя кое-какие услуги ценные с учетом векселей и оказал ему. Джамина однажды сказал ему, что на черный день опускает в рот идолу золотые.

— Кошечка. Понимаешь? И хихикал, блестя сумасшедшими глазками. — «Верю, — говорил он, — сохранит кумир мое счастье. Фамилия моя Джамина — восточная, молюсь восточному богу»...

И при Зиркине опустил в рот идолу новенький пятирублевик. Джамина вскоре свели в сумасшедший дом. «Ах, если все правда! Ведь вот, какой идол тяжелый... Сколько в нем золотых. Купить, во что бы то ни стало купить!.. Ведь, если будет счастье, можно проститься с сахарином... Сколько теперь по курсу стоит золотой?».

Зиркин не сводил глаз с ухмылявшегося идола. Он чуть не вскрикнул, когда чья-то рука подняла идола с коврика. Обернулся и увидел господина в широкополой шляпе.

— Неужели купит? — испуганно подумал Зиркин и почувствовал, как сильно заколотилось сердце и зашумело в ушах.

Господин вертел идола и постукивал пальцами по его бронзовому брюшку. У Зиркина закружилась голова, он не слышал, как господин торговался, и пришел в себя только тогда, когда увидел, что старик пересчитывал кредитки, а идол, уже завернутый в газету, лежит на руках у господина.

Господин, улыбаясь в пушистые усы, довольный покупкой, стал проталкиваться сквозь толпу. Зиркин пошел следом за ним, притягиваемый волшебной силой идола.

Кто получил Нобелевскую премию?

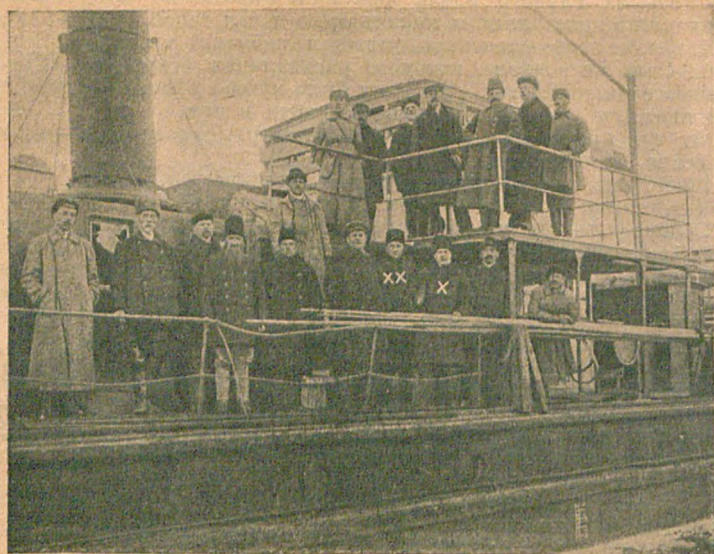
Нобелевская премия по литературе в этом году неожиданно для всех присуждена малоизвестному ирландскому поэту и драматургу Вильяму Бутлеру Йтсу.

Русско-Румынские переговоры.

Советская и румынская военные делегации — по ведению переговоров об урегулировании взаимоотношений Советской России и Румынии по линии р. Днестра.

Сидят: член рус. воен. делегации г. Добродитский, румынский полковник Стенгачиу, председ. совет. делегации Бобрисhev-Пушкин, председ. румынск. воен. делегации генерал Иовановичу, начдив 51 т. Княгиничкий и тов. Колчановский, представитель Наркоминдела.

Работники волжского транспорта. Стоят: уполномоченный и председатель правления Волжского Госпароходства А. Г. Ицэнко (X) и директор, член правления М. И. Степанков (XX).

Пароходы Волжского Госпароходства — зимой, в затоне.

Адольф Адольфович Шмерц.

Шмерц занимался покупкой и продажей антикварных вещей. Он был большим любителем восточной старины, поэтому идола кушил, не задумываясь. Было приятно иметь такую вещь у себя, а если бы она оказалась подделкой, ее всегда не без выгоды можно было сбыть с рук: за годы революции столько появилось коллекционеров, что просто удивительно.

Идол, сверкающий карбункулами глаз стоял на письменном столе Шмерца; он глядел на него и думал: «Интересно, какие это камни у него в глазах, возможно, что драгоценные... И вообще откуда этот идол?»

Шмерц знал чутьем цены старинных вещей, но в старине и в искусстве понимал мало...

Зиркин по тайнственным коммерческим делам встречался со всякими людьми, в том числе и с такими, портреты которых бережно хранились для памяти в альбомах уголовного розыска. «Ворон» был отмечен этой печатью внимания, хотя в

На Сивцевом Вражке господин вошел во двор небольшого домика. Зиркин на минуту замедлил у ворот, а потом тоже вошел во двор и увидел, как господин исчез за дверью отдельного флигеля. На дверной медной дощечке Зиркин прочитал:

На Сивцевом Вражке господин вошел во двор небольшого домика. Зиркин на минуту замедлил у ворот, а потом тоже вошел во двор и увидел, как господин исчез за дверью отдельного флигеля. На дверной медной дощечке Зиркин прочитал:

Московский Городской ломбард.

На ряду с вопросом о промышленном и торговом кредите, так называемая, новая экономическая политика поставила на очередь и вопрос о мелком кредите потребительского характера. Все большее и большее внедрение в хозяйственную жизнь денежной системы, как платежного средства, повлекло за собой потребность в деньгах в гораздо большей мере, чем это было в период острой гражданской войны и отсюда, естественно, возникла необходимость в организации различного рода касс взаимопомощи, рабочего кредита и др.

Одной из таких форм мелкого кредита является также ломбард, производящий выдачу ссуд под залог разного рода вещей, ценностей и проч. Происхождение этого вида кредита весьма древне и известно еще из истории Востока, Греции и Рима, но самое название произошло от итальянской провинции Ломбардии, выходцы из которой занимались выдачей ссуд под залог движимости.

Первым учреждением ломбардного типа считается банкирская контора Монте-ди-Пиза, организованная монахом Барнабе-де-Терри в 1462 году. В настоящее время редкий город Европы не имеет ломбарда, а такие города, как Париж, Лондон и Берлин покрыты целой сетью таких учреждений, с оборотами в сотни миллионов рублей.

В России эта форма кредита начала развиваться в 1712 году, в виде выдачи ссуд под заклад драгоценностей монетными конторами, но только к концу девятнадцатого века ломбарды получили более или менее широкое распространение.

К 1918 году, в Москве насчитывалось до 90 отделений как городских, так и частных ломбардов, когда они были ликвидированы вместе с банками и др. кредитными учреждениями.

В 1922 г. по инициативе Московского Совета была организована комиссия для организации ломбарда и в марте 1923 г. Московский Городской Ломбард был открыт.

За шестимесячный период своего существования, с 23-го марта по 1-е октября,

По данным отчетам Московского Городского Ломбарда дореволюционного времени за 1913 г. Московским Городским Ломбардом при основном капитале около 1.000.000 зол. рублей, при наличии 8 отделений было выдано за год 633.898 ссуд на сумму 7.623.758 зол. рублей., в среднем на одно отделение за один месяц приходилось 6.603 ссуды. Московский Городской Ломбард в настоящее время выдал по одному Центральному Отделению 41.880 ссуд на сумму 1.102.008 зол. рублей, в среднем на 1 месяц приходится 6.981 ссуда.

В виду продолжающегося прогрессивного развития операций ломбарда для удовлетворения потребности населения в ломбардном кредите в июле месяце было открыто Арбатское Отделение, работающее в настоящее время полным темпом.

Помимо операций чисто ломбардного характера при ломбарде существуют магазины по продаже в комиссионном порядке различных вещей домашнего обихода. Учитывая то обстоятельство, что контингент клиентов ломбарда состоит из трудящегося населения г. Москвы, крайне заинтересованного в скорейшей ликвидации, сданных ими на комиссионную продажу вещей, что в условиях магазинной продажи является не всегда достижимым, при магазине ломбарда организован прием вещей на продажу путем аукционного торга.

В настоящее время в связи с увеличением основного капитала ломбарда с 200.000 золотых рублей до 400.000 золотых рублей предполагается дальнейшее открытие отделений и расширение операций ломбарда как по выдаче ссуд, так и по приему на хранение и комиссионную продажу.

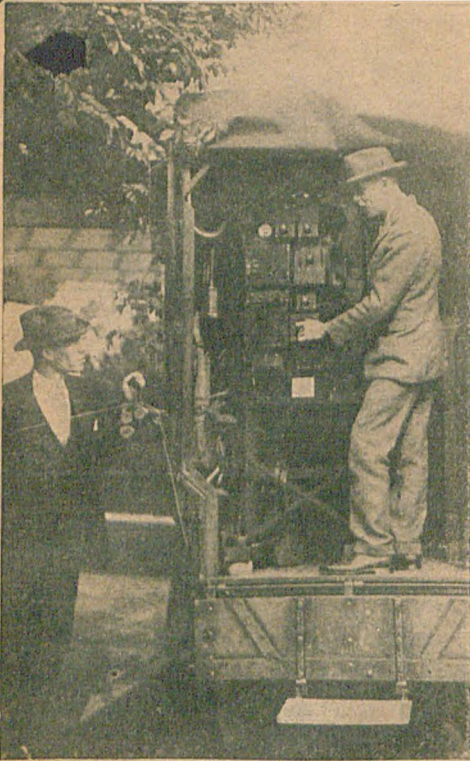

Правление Московского Городского ломбарда. С левой стороны: член Правления С. А. Вишняков, Председатель Д. Х. Кривенко и член Правления Л. С. Патлашенко.

Московским Городским Ломбардом было выдано 48.634 ссуды на сумму 1.301.895 золотых рублей.

Главный контингент клиентуры ломбарда состоял по преимуществу из трудящегося населения гор. Москвы. На долю мелких ссуд от 1—25 золотых рублей, по которым установлены пониженные проценты, падает около 80% общего количества выданных ссуд, остальные 20% приходятся на долю более крупных ссуд, по которым и установлены более высокие проценты. Условия современной финансово-экономической конъюнктуры, как видно из вышеприведенных цифровых данных, не сократили, а наоборот увеличили потребность населения г. Москвы в ломбардном кредите.

Говорят на выборах в Англии.

Передвижная электрическая трибуна со специальными усилителями гечи. 27 ноября Плойд—Джордж говорил под открытым небом с этой трибуны, причем 20 тысяч человек ясно слышали каждое его слово. Буржуазные партии, еще борющиеся за отживающую парламентскую власть, не жалеют никаких средств для того, чтобы одержать победу и дать возможность своим наиболее талантливым корифеям завербовать как можно больше сторонников.

джентльмене, тщательно выбритом, со стальным блеском серых глаз, одетом в френч из темно-зеленого сукна, можно было скорее признать деловую фигуру какого-либо спеца или даже комиссара, нежели личность, проживающую по подложному паспорту. У Зиркина с ним давно были разные дела по валюте. Мысль о золотом брюхе идола не давала Зиркину покоя. Он открыл свою тайну «Ворону». «Ворон», получивший воспитание в Варшаве, решил повести дело по заграничному. Идола нужно было купить. Зиркин хорошо знал, что у того круга людей, к которому принадлежал «Ворон», была своя честь, и потому во всем положился на него.

Джентльмен во френче явился к Шмерцу. Он слышал от приятелей, что антиквар приобрел интересную бронзу. Без сомнения ее можно посмотреть, да? Не правда ли? Он будет искренним, ему сказали, что это именно тот самый идол, который принадлежал его покойному деду, морскому капитану. Семейная реликвия. Да, да— тот самый... По семейным рассказам идол привезен из Индии.

— Вы понимаете сами, что мне очень бы хотелось вернуть его. Он был в нашем тамбовском имении, но революция... Для вас— он предмет старины, а для меня—память деда... Почему вы не хотите продать его? Я могу хорошо заплатить вам. Решительно, нет. Я понимаю вашу любовь к востоку, но все-таки... Разрешите зайти еще раз... Однако, какое у вас богатство. Чудесные ковры, фарфор... Вы одиноки? Ах, только прислуга. Теперь знаете так опасно...

Вскоре Шмерц получил письмо. «Я готов вам открыть тайну персидского идола, известную мне одному, при условии, если вы согласитесь все богатство разделить пополам. Назначьте день, когда

мне притти к вам. Свою фамилию не скрываю, потому говорю правду. Главный почтамп, до востребования, Зиркину».

Шмерц, заинтересованный тайной бронзового идола, твердо решил не продавать его, а показать знакомому профессору, специалисту по восточному искусству.

В один из вечеров, очень поздно, к Шмерцу зашел приятель тоже любитель старины, недавно начавший собирать коллекцию лукутинских табакерок. Он делал вид, что знает толк во всем. Взглянув на

идола определил твердо: семнадцатый век, Индо-Китай. Впрочем, он больше был заинтересован тем, чтобы сбыть Шмерцу несколько поддельных миниатюр. Он уже целый час доказывал ему точность работы и заставлял разглядывать в луну завитки орнамента и позолоту. Приятели говорили громко, но все таки Шмерц услышал какой-то странный скрипучий звук, раздававшийся в кухне. Он крикнул кухарку, но, вспомнив, что отпустил ее со двора, вышел в кухню сам.

Украинское кино. „Остап Бандура“.

От нашего киевского корреспондента.

Всеукраинское фото-кино управление сделало за 1923 г. значительные успехи. Возрождение кино идет полным ходом. Удалось наладить собственное производство на ялтинской кино-фабрике, возрожден лучший павильон в СССР—Одесский. Главной победой является то, что директору фабрик Г. Н. Тасину удалось сплотить хорошую, работоспособную группу опытных кино-актеров. Здесь Панов, Максимов, Галанов, Худолеев, Фрелих, Баранцевич и др., режиссеры—Гардин и Чардынин.

После малоудачного «Хмель» поставлена довольно удовлетворительно картина «Помещик» и, наконец, очень хорошо большая фильма «Слесарь и Канцлер»

«Остап Бандура», сначала батрак, затем солдат старой армии, попадает, как политически неблагонадежный, в торь-

«Остап Бандура» В бою. Ниже—украинский хоровод.

Остап Бандура в своей деревне.

му. В эпоху гражданской войны он становится атаманом партизанского отряда, а затем командиром Красной кавалерии. Он неустанно борется с врагами Советской Власти—добровольцами, петлюровцами. Это—украинский Буденный.

Большим достоинством фильма является то, что фольклор Украины заснят в натуре. Перед зрителем проходит быт украинской деревни (село Совки, под Киевом), сцены гражданской войны в городе сняты на улицах Киева (взятие Арсенала и т. д.).

В роли матери Остапа Бандуры впервые снята на экране маститая артистка Мария Констаптинвна Запывковецкая—корифей украинской сцены.

по сценарию А. Луначарского, вызвавшая восторг среди зрителей—рабочих и прошедшая с громадным успехом по всей Украине.

Сейчас в Киеве произведены съемки фильма в 2.500 метров «Остап Бандура». Ставит картину режиссер В. Гардин.

М. А.

Это угол 5-й Авеню (самая аристократическая) и 42-й улицы (наиболее деловая) в Нью-Йорке, снятый с аэроплана. Видны перегоняющие друг друга автомобили, отдельные ряды экипажей и масса торопящихся людей. Любопытнее всего, что это неслышанное движение происходит в полном порядке и ни один спешащий автомобиль или человек не мешает спешить другому.

В Колумбийском Университете (Америка) производятся сейчас опыты над возможно точным определением умственных способностей человека. На нашем снимке—университетский профессор пытается путем преломления двух различных портретов в призме получить представление о психологическом облике рассматриваемых индивидуумов.

жанные куртки шарили по карманам безголового трупа. Часы и бумажник с деньгами были целы. В бумажнике лежала затертая трудовая книжка на имя гражданина Петра Петровича Зиркина.

— Вы знали гражданина Зиркина?—спросили у Шмерца.

— Нет. Но неделю назад за этой подписью я получил письмо. Кожаные куртки, как на экране, проскользнули в комнату.

— Вот письмо!...

— Что такое? Какой идол и тайна? Покажите идола!...

— Я антиквар, занимаюсь покупкой старинных вещей.

— Но какая тайна? Какой идол? Вот этот?

Человек в кожаной куртке схватил идола и, обнюхивая плесень бронзы, постучал по нему ручкой револьвера

— Ради бога, товарищи, осторожнее, это такая редкость!...

— Что?

Внутри идола что-то со звоном хрустнуло, из отвалившегося бронзового брюха с шумом посыпались на стол пуговицы, гвозди, свинцовые пломбы, черепки, кусочки железа, гайки; блестящий пятирублевый золотой, вылетев вместе со всей этой дрянью, со звоном покатился на пол.

— В чем дело? Что за штуки, гражданин Шмерц? Объясните.

Но как объяснить восточную сказку?

Базар—слово персидское. Пышно-цветный восток—Смоленский рынок, в Советской Москве. Там, в знойной базарной пыли, в азиатской грязи, возникают слухи, легенды и сказки. Там возникла и сказка об идоле и об отрубленной голове. Там судьба играет в чет и нечет, там деньги, нищета, хироманты, слепцы, нестрые краски, бандиты, спирт, опиум, кровь, сказки о счастье, пыль—Восток.

Это сказка—из душной крутней базарной пыли!...

Николай Ашукин.

На пороге кухни он замер. Во рту у него пересохло. В нижней филенке наружной двери, повизгивая, медленно двигалась узкая тонкая пилка. Едва прикасаясь к полу, он вышел из кухни и молча поманил приятеля за собой. Когда они вдвоем, крадучись, вошли в кухню, вышленный квадратик филенки под ударом кулака вылетел, и в дверь просунулась рука.

Шмерц схватил веревку, быстро сделал петлю и, накинув ее на протянутую в дверь руку, потянул к себе.

Шмерц, крепко стиснув руку петлей, привязал конец веревки к водопроводному крану.

За дверью послышался стон и голос:

— Конец, и меня откроешь!.. Так вот!..

И раздался глухой удар.

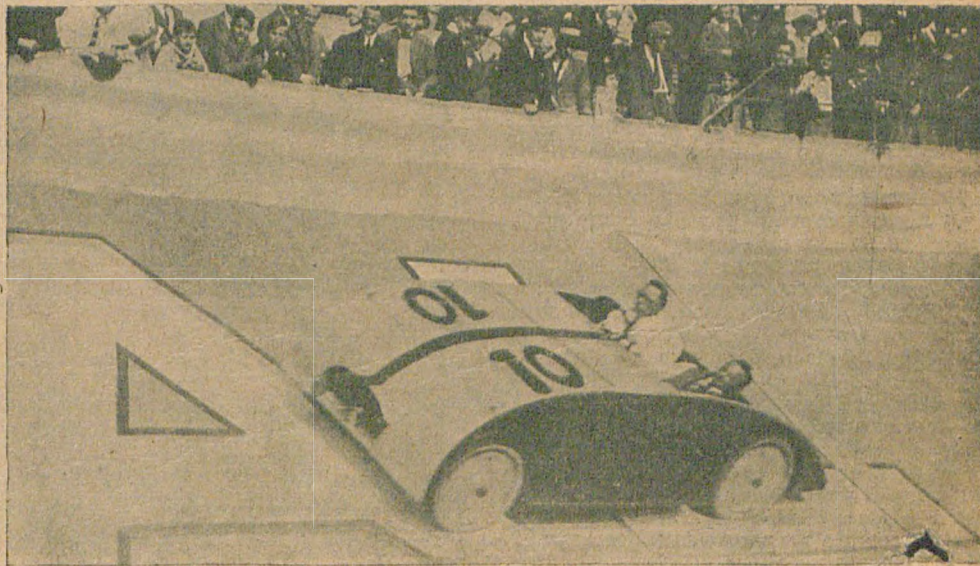
Рука, обвязанная веревкой, судорожно вздрогнула.

— В домком, беги в домком, другим ходом!—зашипел приятель.

Шмерц кинулся к парадной двери.

Через полчаса приехал автомобиль из уголовного розыска. Люди в кожаных куртках вместе со Шмерцем и председателем домкома взбежали по черной лестнице. У двери Шмерца, просунув в нее правую руку, опустившись на колени, стоял обезглавленный труп. Лужа густой липкой крови растекалась по ступенькам. Обрубленной головы нигде не было. Ко-

НОВЫЕ ГОНОЧНЫЕ МАШИНЫ.

На последнем всегерманском автомобильном состязании участвовала машина с мотором в 4,98 лощ.-силы, представляющая совершенно новый тип гоночного автомобиля.

ДЕПО ПИШУЩИХ МАШИН

АЛЕКСАНДР
САВВА.

— МОСКВА. —
Тверская, 27.
Телефон 58-75.

ВСЕГДА ГРОМАДНЫЙ ВЫБОР ПИШУЩИХ МАШИН
„УНДЕРВУД“, „МЕРЦЕДЕС“
И ДРУГИХ СИСТЕМ.

Арифмометры „ОДНЕР“ и БРУНСВИГА.

ОТ РЕДАКЦИИ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СБОРНИКОВ „НЕДРА“

С 4-й книги издание сборников „Недра“ переходит от Издательства „Новая Москва“ к издательству „Мосполиграф“.

Сборники продолжают выходить под редакцией Н. С. Ангарского.

В выходящей на-днях в свет 3-й книге „Недра“ напечатаны следующие произведения: В. Вересаев—В тупике, роман (окончание). В. Кириллов—поэма. А. Чапыгин—Белая равнина, рассказ. И. Хмелевский—Петька и Митька, рассказ. Вс. Иванов—Заповедник, рассказ. Неизданные письма Пушкина и Тургенева.

В 4-й книге (выходит в начале января) будет помещена большая повесть А. Серафимовича. Из цикла „Борьба“, рассказ Сергеева-Ценского и повесть Н. Ляшко „В разлом“.

С требованиями обращаться в Издательство „Мосполиграф“, Москва, Пименовская, 16. Тел. 19-21. Адрес редакции: Мясницкая, д. № 24.

Выписывающие через контору журн. „Огонек“ (Москва, Тверская, Благовещ. п., 3) за пересылку не платят.

ВЫШЕЛ В СВЕТ в издании „Мосполиграф“ и поступил в продажу новый роман
ВИКТОР МАРГЕРИТ „**МОНИКА ЛЕРЕЬЕ**“ (La Garçonie). Перевод с французского Н. ПЕТРОВСКОЙ с предисловием АНАТОЛЯ ФРАНСА. Цена 1 р. 25 к.
ПЕЧАТАЕТСЯ роман ВИКТОРА МАРГЕРИТ „**ТОВАРИЩ**“ в переводе с французского Л. Я. ГУРЕВИЧ.
Склад издания: Москва, Пименовская, 16. Выписывающие через Главную Контору журнала „ОГОНЕК“ за пересылку не платят.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА

1924 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛ

ОГОНЕК

Издание „МОСПОЛИГРАФ“

Самый распространенный иллюстрированный
еженедельник в СССР.

„Огонек“

дает яркую и разнообразную картину быта и строительства нашей возрождающейся страны, отображает в богатом литературном, художественном и фотографическом материале лихорадочный темп сложной и интересной политической и культурной жизни всего мира.

„Огонек“

дает в каждом номере рассказы, стихи и очерки лучших русских и иностранных авторов.

В „Огоньке“

из номера в номер в фотографиях, оригинальных рисунках, зарисовках, шаржах и карриатурах всесторонне освещаются все последние события дня, политическая жизнь, новости культуры, науки, искусства, сельского хозяйства, спорта, коллекционерства, курьезы и гримасы современного быта в России и за границей.

В „Огоньке“

находит себе полное и всестороннее освещение жизнь всех даже самых отдаленных уголков нашей, перепаханной Революцией, необъятной страны.

В вышедших номерах „Огонька“ напечатаны произведения следующих авторов:

РАССКАЗЫ и СТИХИ:

А. Аросева, М. Андреева, Н. Ашукина, В. Александровского, Л. Борисова, С. Бондарина, А. Балагина, Анри Барбюса, В. Василенко, С. Вашенцева, Ю. Волина, Максима Горького, О. Генри, А. С. Грина, С. Городецкого, Л. Гумилевского, Эм. Германа, С. Гехта, Мериса Дорен, Жюль Дюамель, Дженобса, Доля, А. Дорогойченко, С. Есенина, А. Жарова, Ефима Зозули, С. Залицкого, М. Зощенко, М. Зенкевича, Бласио Ибаньеса, Веры Ильиной, Вал. Катаева, Марна Криницкого, С. Клычкова, Вл. Лидина, Вл. Ленинского, Нир. Левина, Вл. Маяковского, О. Мандельштама, В. Муйжеля, А. Мариенгофа, Л. Митницкого, Эм. Миндлина, Л. Никулина, Н. Никандрова, В. Нарбута, О. Л. Д'Ора, Н. Огнева, Я. Окунева, Н. Овсянко, П. Орешина, М. Пришвина, Вал. Парнаха, Г. Петникова, Н. Поталенко, Н. Павлович, Н. Полетаева, Б. Розова, Ильи Ренца, Андре Рамона, Семёна Родова, А. Серафимовича, А. Соболя, М. Слонимского, Жан Сен, Е. Стырской, Евг. Симбирского, Елены Сергеевой, В. Г. Тана, А. Толстого, Н. Тихонова, В. Финка, А. Н. Чарова, В. Черноярца, М. Шагинян, В. Шершеневича, А. Ширяевца, Ильи Эренбурга и мн. др.

СТАТЬИ и ОЧЕРКИ:

М. Ашенбреннера, М. Артамонова, наркома Н. Брюханова, Я. Бранденбургского, Я. Блюмкина, О. Брига, Гертруды Бизли, Н. Боброва, С. Бройде, Л. Бархаша, В. Вишнева, П. Гурова, С. Гехта, Г. И. Геронского, К. Григорьева, наркома В. Довгалевского, Я. Долецкого, Л. Думского, Г. Зиновья

ева, В. Зофа, И. Залкинда, С. Ингулова, М. Калинин, О. Наменовой, П. Керженцева, А. Курской, Мих. Нольцова, проф. Н. И. Кольцова, В. Коларова, А. Коллонтай, Лили Найт, проф. П. Ногана, Н. Комаровского, В. Нутузова, А. Кривошеева, П. Лебедева, Н. Ландера, А. Ломова, А. В. Луначарского, проф. Лемана Лунаса, М. Левинова, Вал. Легат, проф. Левитина, С. Любимова, А. Лубовича, А. Меньшого, Н. Мещерякова, наркома И. Милютин, проф. Е. Марциновского, Вилли Мюнценберга, Н. Мехоношина, Д. Маллори, А. Орлинского, И. Перетерского, А. Пороховщикова, А. Перовского, Лариссы Рейснер, М. Рогова, проф. Н. Рынина, Л. Рябинина, наркома Н. Семашко, наркома А. Смирнова, З. Соловьева, Ю. Соболева, М. Смелянова, Л. Солнцева, А. Топорнова, М. Тарловского, Г. Феддеса, Арт. Халатова, Х. Херсонского, Илары Цеткин, Е. Цетлина, А. Цуккера, В. Шеншева, проф. П. Ю. Шмидта, А. Швецова и мн. др.

Фотографы ОГОНЬКА:

Л. Бернштейн, В. Болсуновский, С. Бранзбург, М. Гальперин, Г. Гольдштейн, Д. Грауденц, А. Gross, Ж. Локяте, В. Лобода, М. С. Напельбаум, Петр Оцуп, Пагнаев-Дольский, Press-Photo News-Service, А. Поповский, В. Савельев, А. Самсонов, Сахаров, Орлов и мн. др.

Художники ОГОНЬКА:

И. Владимиров, В. Гор, Дени. Бор. Ефимов, С. Лодыгин, Родченко, К. Ротов, В. Сварог.

Постоянные корреспонденты ОГОНЬКА: В Берлине, Вене, Лондоне, Нью-Йорке, Софии, Пекине, Шанхае, Константинополе, Варшаве, Риге и др. городах за границей.

Свыше 100 постоянных фото-корреспондентов в городах СССР.

Подписная цена на „Огонек“ на 1924 г. — 7 черв. руб. Допускается рассрочка в 2 срока (до 1 января—4 рубля, и до 1 июня—3 руб.) и в 3 срока (до 1 янв.—3 руб., до 1 марта—2 руб. и до 1 июня—2 руб.). Для рабочих и служащих при коллективной подписке допускается льготная рассрочка в 5 сроков (до 1 янв.—2 руб., а затем ежемесячно до 1 июня—по 1 руб.). Подписная цена на 1 месяц—70 черв. коп.

Выписывающие „Огонек“ на 1924 г. без рассрочки получают журнал в течение декабря бесплатно.

Переводы направлять в Главную Контору журнала „Огонек“, Москва, Тверская, Благовещенский переулок, № 3. Телеграфный адрес: „Москва—Огонек“.